

МОРГАН МОНКОМБЛ

ТУЗ

червей

18+

НЕ ВЕЗЕТ В КАРТАХ, ПОВЕЗЕТ В ЛЮБВИ?

Young Adult. Романтические книги Морган Монкомбл

Морган Монкомбл

Туз червей

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.133.1-31

ББК 84(4Фра)-44

Монкомбл М.

Туз червей / М. Монкомбл — «Эксмо», 2021 — (Young Adult.
Романтические книги Морган Монкомбл)

ISBN 978-5-04-192742-4

Абсолютный бестселлер во Франции! «Туз червей» – долгожданная новинка от Морган Монкомбл, популярной французской писательницы сентиментальной прозы. Страстный, увлекательный, чувственный роман об игроках в покер. Леви – один из лучших молодых игроков в покер. Именно поэтому он отправляется на Мировой турнир по покеру и бросает вызов Тито Ферраньи, настоящей акуле игорного бизнеса. Но в Лас-Вегасе свои суровые правила, и Леви понимает, что в одиночку ему не победить. Хладнокровная выдержка, умение блефовать и опережать противника на ход вперед. Роза владеет этими навыками в совершенстве. Несмотря на это, ей отчаянно нужны деньги, чтобы выплатить старый долг. Когда судьба знакомит ее с Леви, она соглашается на предложенную им сделку. В обмен на огромную сумму Роза должна стать его наставницей и обучить своим приемам. Но вскоре окажется, что в этой игре на кону стоит нечто большее, чем деньги. Для поклонников Моны Кастен, Анны Тодд, Меган Брэнди, Колин Гувер и Джейми Макгвайр. «Жизнь не всегда играет по правилам, и у вас на руках вполне могут оказаться не самые лучшие карты. Но так ли это важно? Нашим героям предстоит понять, что мир состоит из самых разных оттенков, которые важно видеть, даже если ты не различаешь цвета. Приготовьтесь к настоящему коктейлю эмоций, ведь персонажи истории будут заставлять вас грустить, смеяться, восхищаться и недоумевать». – Полина, книжный блогер, @for_books_ever Об авторе Морган Монкомбл – популярная французская писательница, обладательница премии за Лучшую книгу на фестивале «Нового французского романа». Автор более двенадцати книг в жанре «Современная романтическая проза». Морган изучала литературу в Сорбонне и пишет книги с двенадцати лет.

УДК 821.133.1-31

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-192742-4

© Монкомбл М., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Основные правила игры в покер	7
Комбинации карт в покере	8
Пролог. Март. Санкт-Петербург, Россия. ЛЕВИЙ	9
Глава 1. Май. Макао, Китай. РОЗА	12
Глава 2. Май. Макао, Китай. ЛЕВИЙ	16
Глава 3. Май. Макао, Китай. РОЗА	22
Глава 4. Май. Макао, Китай. ЛЕВИЙ	28
Глава 5. Май. Лас-Вегас, США. РОЗА	35
Глава 6. Май. Лас-Вегас, США. ЛЕВИЙ	40
Глава 7. Май. Лас-Вегас, США. РОЗА	48
Глава 8. Июнь. Лас-Вегас, США. ЛЕВИЙ	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Морган Монкомбл Туз червей

Morgane Moncomble

L'As de coeur

© Morgane Moncomble, Hugo Publishing, 2021

This edition is published by arrangement with Hugo Publishing in conjunction with its duly appointed agent Books And More Agency #BAM, Paris, France.

All rights reserved.

© Заштовт Е., перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Основные правила игры в покер

Крупье раздает каждому игроку одну за другой две карты. Два игрока, находящихся слева от крупье, называются **малый блайнд** и **большой блайнд**.

Первый круг ставок начинается с игрока, сидящего непосредственно слева от большого блайнда. Этому игроку, в зависимости от того, какие карты у него на руках, доступны следующие действия:

- **Фолд/пасс.** Тогда он сбрасывает свои карты и окончательно выходит из игры.
- **Колл большого блайнда**, т. е. ставка в банк на ту же сумму, что внес туда большой блайнд.
- **Рейз/повышение.** Тогда он ставит сумму большую, чем поставил большой блайнд.

Как только первый игрок принимает решение, ход переходит к игроку, сидящему по левую руку от него, и далее по кругу. Малый блайнд и большой блайнд могут либо сравняться со ставками остальных игроков, либо повысить их. В случае повышения проводится второй круг ставок.

По завершении первого круга ставок крупье переворачивает три карты в центре стола. Эти карты называются **флоп**.

Второй круг ставок начинается с игрока, сидящего слева от крупье. В этом круге каждый игрок имеет возможность сказать:

- **Чек.** Игрок может сделать чек (чекнуть), это значит, что он не вносит в банк дополнительных денег. Сделать чек возможно только в том случае, если предыдущие игроки также не делали ставок.
- **Бет/ставка.** Игрок решает положить в банк столько денег, сколько захочет.
- **Рейз/повышаю.** Это означает поставить сумму большую, чем игрок уже поставил.
- **Колл.** Это значит, если другой игрок уже сделал ставку, сравняться с ней в банке.
- **Фолд/пасс.** Тогда он сбрасывает свои карты и окончательно выходит из игры.

Когда заканчивается второй круг ставок, в центре стола переворачивается четвертая общая карта. Эта карта называется **терн**.

Третий раунд ставок может начаться так же, как и предыдущий. По его окончании в центре стола открывают пятую карту, которая называется **ривер**. Когда все игроки заканчивают делать ставки, оставшиеся в гонке игроки (то есть те, кто не спасовал) показывают свои карты. Игрок с самой высокой комбинацией карт выигрывает партию и забирает весь банк.

Комбинации карт в покере

Партию в покер выигрывает тот игрок, у которого оказывается самая высокая комбинация собственных карт и/или пяти карт, перевернутых на столе.

Ниже подробно описываются покерные комбинации от самой маленькой до самой большой.

- **ПАРА**: две одинаковые карты. **ВНИМАНИЕ**: если по итогу партии пара оказывается на руках у двух игроков, банк выигрывает тот, у кого карта более сильная.

- **ДВЕ ПАРЫ**: две пары карт.

- **ТРОЙКА**: три одинаковые карты на руках.

- **СТРИТ**: пять последовательных карт разных мастей.

- **ФЛЕШ**: пять карт в руке или на столе одной масти, например пять бубен, пять червей, пять пик или пять треф.

- **ФУЛЛ-ХАУС**: три карты одной масти и одна пара.

- **КАРЕ**: четыре одинаковые карты.

- **СТРИТ-ФЛЕШ**: комбинация из пяти последовательных карт (СТРИТ) одной масти (ФЛЕШ).

- **РОЯЛ-ФЛЕШ**: для комбинации роял-флеш необходимы пять самых сильных последовательных карт в колоде, то есть туз, король, королева, валет и десятка, и все они должны быть одной масти.

Пролог. Март. Санкт-Петербург, Россия. ЛЕВИЙ

– Нет! – рычу я, вырываясь, словно демон. – Отпустите ее! Она ничего не сделала!

Меня сдерживают сильные руки, а я кричу, и слезы заливают мое охваченное паникой лицо. Они не могут так поступить. Они не имеют права забирать ее у меня, не так, не сейчас. Она нужна мне так же, как и я ей.

Она и секунды не протянет в том месте, куда они ее везут. Я единственный смогу ее защитить, только я всегда и мог. Пусть даже до сих пор я ее подводил.

– Это все я! – снова реву в отчаянии. – Перестаньте! Вы ошиблись человеком!

Я в ярости кричу и, в миллионный раз ударив обхватившего меня полицейского в живот, бегу к ней. Люди вокруг кричат, кто-то пытается меня перехватить, но мне удается добраться до нее и обвить руками ее хрупкие плечи. Такие мягкие, такие знакомые плечи, на которые я столько раз взбирался в детстве. Плечи, на которых лежало столько забот, от которых я не смог ее избавить...

Это все моя вина. Я жалобно всхлипываю, утыкаясь в ее волосы, словно пятилетний ребенок, умоляя ее не бросать меня, и знаю, что она обняла бы меня в ответ, не будь ее руки скованы за спиной наручниками.

– Левий. Не плачь. Все будет хорошо, ангел мой.

– Парень, ты должен ее отпустить.

Нет. Нет. И тем не менее я бессилён. Трое полицейских оттааскивают меня назад, и я падаю на колени. Мои плечи трясутся. Мама издали мне улыбается. Она не плачет. Наоборот – она очень спокойна.

– Не глупи, хорошо? – говорит она твердо. – Хватит плакать. Мы скоро увидимся. Я люблю тебя.

Я трясусь головой, не в силах сдержать слез. Незнакомцы берут ее за руки и наконец уводят. Она в последний раз подмигивает мне, а затем поворачивается спиной. Я чувствую, что угасаю, пока лучшая часть меня быстрым шагом уходит все дальше.

Что мне теперь делать? Я до сих пор не пришел в себя. Я трясусь, словно лист на ветру, и так сильно, что мне даже не удается встать на ноги, когда ко мне подходит дядя. Он похлопывает меня по плечам, напоминая, что я мужчина, и отводит к себе домой – там я, вероятно, и буду жить до своего совершеннолетия.

Я не слышу ни слова сочувствия – ничего, что могло бы меня успокоить. Он ведет себя так, будто ничего не произошло, будто моя мать не будет гнить в тюрьме за убийство моего отца.

Мама, зачем ты это сделала?

После знаменательного дня суда я очень редко с ней вижуся. Мне разрешено навещать ее и даже раз в месяц звонить. Она из раза в раз повторяет, что у нее все хорошо, что ей даже удалось подружиться с другими женщинами в тюрьме. Я ей не верю, но притворяюсь. Когда наступает моя очередь, делаю так же, как и она: я вру. Говорю, что хорошо учусь, что не напиваюсь и что не хожу поздно вечером на вечеринки. Хотелось бы, чтобы так все и было. Но как иначе справиться со всеми эмоциями, что мучают меня днями и ночами, без подобного рода отвлекающих факторов?

Я хочу умереть.

Мне говорят продолжать жить своей жизнью, не прогуливать школу и делать все, чтобы мама мной гордилась. Но вместо этого я превращаюсь в озлобленного подростка. Озлобленного на своего отца, на свою мать, на самого себя. Но в основном на одного конкретного человека. Потому что нам всегда нужно обвинить кого-нибудь в своих страданиях, не правда ли?

Он появляется в газете через несколько недель после происшествия. Он известнее, чем я думал; бизнесмен, ставший миллионером до своих сорока (на его счете сто десять миллионов евро, не меньше) благодаря стриминговому музыкальному приложению. А еще он завсегдатай казино и покерных турниров.

Я не отрываю глаз от глянцевого бумажки, чувствуя, как бурлит от ненависти сердце, когда журналистка интересуется его мнением по поводу «трагической смерти» моего отца, великого игрока в покер. Тито Ферраньи, его соперник и заклятый враг номер один, как можно догадаться, ответил на это следующее:

«Это, бесспорно, печально... Кто бы мог подумать? Но знаете, говорят, что счастье одних строится на несчастье других. Живым нужно продолжать жить! И, полагаю, теперь на моем пути к победе больше ничего не стоит».

Прочитав русский перевод, я широко и возмущенно открываю рот. Он посмел... Он посмел заявить подобное в газете! Ему абсолютно плевать на то, что случилось. Мой отец посвятил жизнь этому соперничеству, оно было для него всем, чем-то гораздо большим, чем значили для его сердца мы с мамой. Но в Тито нет ни чести, ни верности. Он просто радуется, что теперь, когда мой отец умер, его шансы на победу возросли.

Все это началось из-за него. Он первым предал и унизил моего отца. Он – причина всех наших проблем. Это все его вина. Из-за него у меня было паршивое детство, из-за него умер мой отец и из-за него уже долгих десять лет моя мать сидит в тюрьме. И у него хватает наглости заявлять подобное по телевизору... У него, свободного, безнаказанного и, более того, богатого и уважаемого своими коллегами.

Не отрывая пронзительного взгляда от бумажки, я даю себе молчаливое обещание: сколько бы времени это ни заняло, чего бы мне это ни стоило, Тито Ферраньи за это заплатит.

Мне все равно больше нечего терять.

– Господин Иванович, быть может, мне стоит повторить вопрос?

Я резко вынырываю из своих мечтаний, осознавая, что вокруг меня толпится группа журналистов. Я злюсь на себя за то, что вспоминаю тот мрачный период своей жизни в подобный момент, тем более на публике. Спускаясь из своего гостиничного номера, я уже знал, что они ждали меня. Честно говоря, их привел сюда сам Томас, по моей просьбе. Мне нужно передать через них кое-какое послание.

Не закрывая задней двери своего такси, я задумываюсь. Я уже не тот семнадцатилетний подросток, каким был, когда умер отец. Мои обида и жажда мести никуда не делись, но смягчились, подуспокоились. Из импульсивного и нетерпеливого человека я превратился в спокойного и расчетливого.

– Прошу прощения, что вы говорили? – вежливо спрашиваю я.

– Через два месяца стартует WSOP, и вы уже объявили о своем участии. В прошлом году вы заняли второе время в Главном турнире, поэтому все ждут вашего появления. Вы взбираетесь по карьерной лестнице с невиданной ранее скоростью, даже быстрее вашего отца. Несколько слов о ваших целях?

Я делаю вид, что задумываюсь. Зимний санкт-петербургский ветер со свистом забирается ко мне под пальто. Если честно, я с нетерпением ждал этого вопроса. Я вспоминаю о тех напечатанных словах Тито. О его радости при мысли о том, что у него больше не осталось серьезных соперников. И в особенности я вспоминаю нашу первую встречу.

Мне был двадцать один год, и я только что потратил все свои сбережения на вступительный взнос для участия в турнире – десять тысяч евро, ни копейкой больше, ни меньше. Когда мы наконец оказались за одним столом, протянул ему для рукопожатия ладонь. Его, казалось, позабавила моя наглость – или глупость, – и когда он спросил, не его ли я поклонник, на очень

ломаном английском я ответил ему ровно то, что пообещал себе годами ранее: «Я тот, кто вас свергнет. Левий Иванович. Запомните мое имя».

Я улыбаюсь, вспоминая, как быстро с его лица исчезло высокомерие. Он сразу же узнал мое имя, несомненно, такое же, какое было у его покойного друга. Но все-таки тогда он не посчитал меня угрозой.

Это было шесть лет назад.

– Если быть предельно откровенным... – говорю я в камеру и протянутый ко мне микрофон, – это будет последний год, когда я поучаствую в WSOP.

Их глаза в удивлении распахиваются, и они еще больше подаются вперед, желая расспросить о подробностях. Я поднимаю руку, и они молча замирают. Пользуясь моментом, я буравлю гневным взглядом камеру, надеясь, что где-то там, в мире, в Венеции или где-либо еще, Тито Ферраньи мочится от страха в свои же штаны при виде меня.

– Я решил уйти в отставку в качестве профессионального игрока.

Они одновременно начинают возмущаться. Я наслаждаюсь их изумлением, пьянея от возбуждения. *План успешно приведен в действие.*

– Уже?!

– Вы ведь так молоды! Что сподвигло вас на такое решение?

Мое внимание привлекает один журналист, который, хмурясь, пылко говорит:

– Что случилось со всем нам знакомым амбициозным молодым человеком? Я помню ваш первый год в Главном турнире; вы сказали, цитирую: «Я не остановлюсь, пока не стану номером один».

Я невозмутимо киваю.

– Это так. И раз уж я решил, что этот год станет моим последним, вы вправе делать из всего этого любой вывод, какой только пожелаете.

– Так, значит, вы утверждаете, что победите?

Он и так знает ответ, но хочет услышать его из моих уст. Я не колеблюсь ни секунды – это не в моем стиле.

– Безусловно.

Мой внутренний голос усмехается, называя меня высокомерным засранцем. Я этого и не отрицаю.

– Похоже, вы более чем уверены в этом. Тито Ферраньи, ваш величайший на сегодняшний день противник, ранее бывший противником вашего отца, также подтвердил, что придет...

– Тито очень силен, но ему жутко не хватает оригинальности. Стоит заметить, трещащий по швам брак и банкротство бизнеса также не добавили ему юности! – говорю я, а затем, уверенный, что только он один и узнает эти слова, добавляю: – Это, бесспорно, печально... Но знаете... говорят, что счастье одних строится на несчастье других.

Глава 1. Май. Макао, Китай. РОЗА

Мне жутко нужны деньги.

Но мой мозг считает, что мне нужен второй спортивный автомобиль, и в этом моя проблема.

Я в Китае две недели, и мне запретили вход уже в четырех казино. Полагаю, китайцы мало чем отличаются от итальянцев: и те, и другие не особо меня любят. И все же они мне нравятся.

Мне нравится впервые заходить в казино, когда лопаются барабанные перепонки от какофонии звуков игровых автоматов и криков победителей и когда меня охватывает одновременно и зависть, и эйфория. Мне нравится сидеть за покерным столом и наблюдать за всеми этими самодовольными мужчинами, что недооценивают меня, разглядывая мое декольте и помаду цвета бургунди.

Но самое приятное – это когда по мере того, как я их обираю, их полные презрения мордашки сменяются злобными взглядами. При этом чаще всего они упорно продолжают играть – это вопрос гордости.

– Видимо, новичкам везет, – приговаривают они, всегда обращаясь ко мне, словно объясняя этим свое поражение.

Наибольшие гордецы доходят до того, что в их руках не остается ни единой фишки. Их я люблю больше всего – мне нравится наблюдать за их позором. Их деньги пахнут даже лучше, чем любые другие, – особенно когда я трачу их на дорожную обувь.

И в этом и есть моя проблема. Я либо продолжаю играть, пока не проиграю все в рулетку, либо спускаю все деньги на интенсивный шопинг. Мое последнее безумие: покупка кроваво-красного Ferrari F8 Tributo, притом что я прекрасно знала, что не задержусь в Китае надолго. Именно за рулем этой малышки я подъезжаю к Venetian – одному из немногих казино этой страны, куда мне все еще открыт вход.

В ночи, опустившейся на Макао, здание сияет тысячью огней. Я выбираюсь из машины и передаю ключи парковщику. Цоканье моих шпилек напоминает удары кнута о бетон.

– Добро пожаловать в Venetian, – приветствуют меня по-английски.

Говорят, что Venetian в Макао – самое большое казино в мире. Разумеется, я должна была увидеть его своими глазами. При его постройке вдохновлялись городом Венеция, и потому в его распоряжении собственные внутренние каналы; по ночам пары наслаждаются романтической поездкой на гондолах, плывущих по бирюзовой воде. Признаюсь, выглядит очень похоже.

На меня накатывают воспоминания о доме. Я родилась во Флоренции, в Италии, но всегда чувствовала нужду исследовать мир. Я нигде не задерживаюсь дольше, чем на несколько месяцев. И если сначала это было прикольно, то теперь я постепенно начинаю уставать... Я нигде не чувствую себя как дома.

Решительным шагом я прохожу через большой зал, позволяя своему взгляду с восхищением скользить по всему, что меня окружает. Каждый новый раз ничем не отличается от предыдущего: это адреналин, что течет по моим венам, заставляя сильнее биться в груди сердце, непреодолимый зов огней и звуков игровых автоматов, завораживающее желание поставить небольшое состояние, не зная, выиграю ли я или все проиграю, – просто чтобы почувствовать хоть *что-нибудь*.

Должно быть, я слабачка, раз не могу перед всем этим устоять. Мне нужны деньги, но я ни за что не продам Карлотту – да, я уже дала своей «Феррари» имя. И это – лишь одна из причин, почему я не могу ее вернуть.

Я прохожу мимо розетки, украшающей пол первого этажа, и поднимаюсь на одном из эскалаторов на этаж выше. Я мысленно собираюсь с духом, когда вдруг в моих руках вибрирует телефон. Видеозвонок от мамы.

Вот черт. Она, как всегда, не вовремя.

Я захожу за угол, к колонне, и отвечаю, поднимая телефон на уровень лица. Когда я вижу маму, сидящую дома за пианино, на моем лице неизбежно растягивается широкая улыбка.

Она – единственный человек, который заслуживает моих искренних улыбок. Я подношу руку ко рту и разворачиваю ее, говоря «привет». Несмотря на то что мы близки, мы очень редко созваниваемся. Она от этого не в восторге. Из-за ее глухоты нам постоянно приходится общаться по Фейстайму, а это не всегда бывает удобно.

– *Где ты? Там красиво!* – спрашивает она. Я отвечаю по-итальянски, жестикулируя одной рукой.

– В самом большом казино мира, Venetian. Я пришлю тебе фотки!

Я стараюсь сохранять бесстрастное выражение лица, чтобы она не смогла меня прочитать. Вообще я в этом профи, но с мамой все иначе. Ей всегда все известно. Она единственная, кто видит насквозь каждую мою ложь – быть может потому, что она единственная, кому не наплевать. Вот почему мне так нелегко путешествовать и дальше... Иногда мне снится, что моя мать умирает, когда я нахожусь вдали от дома, и я испытываю жуткую панику. Если бы это действительно случилось, я бы, возможно, умерла. Вдали от нее я несчастна; я знаю, что мне нужны опора и стабильность. И все же бегство прельщает меня гораздо сильнее.

– *Мы по тебе скучаем. Когда ты вернешься?*

Я мысленно вздыхаю. Я тоже по ней скучаю... Но, к сожалению, я не могу просто вернуться, как ни в чем не бывало сунув руки в брюки и стыдливо поджав хвост. Я приехала сюда заработать денег, чтобы затем расплатиться со своими долгами и больше не быть никому обязанной.

Моя мама, успешный поведенческий психолог, постоянно твердит мне, что бегство от проблем не поспособствует их исчезновению. Потому что они бесчинствуют не в каких-то конкретных местах, а в разумах.

Словно услышав мои мысли, она с обеспокоенным выражением лица добавляет:

– *Мы ведь говорили, что тебе лучше избегать казино, Роза. Ты ведь знаешь. Будет лучше, если ты вернешься.*

Вот и оно. Я одариваю ее улыбкой, которая, хоть и подрагивает, должна ее успокоить.

– Все хорошо, мам. С этим покончено. Я вылечилась.

– *Предложила бы ты пиво бывшему алкоголику? Нет. Здесь то же самое. Еще слишком рано... Не играй с дьяволом.*

Но игры с дьяволом – это моя страсть, мама. Я уже давно отдала ему свою душу.

Да, соглашусь: болтаться в казино человеку, который много лет страдал от игровой зависимости, – не лучшая идея. Но я правда вылечилась! До событий двухмесячной давности я почти год не заходила в казино. Пара игр мне нипочем.

Мне стало намного лучше. Я бывала на самом дне, я знаю, каково там. Я изменилась. Теперь я достаточно сильна... несмотря на многочисленные рецидивы. Но в этот раз все будет иначе.

Должно быть.

– У меня все под контролем! – отвечаю я торопливыми жестами. – Сыграю в одну партейку, может, в две, и уйду. Обещаю.

Она щурит глаза, едва ли убежденная в моих словах, но в конце концов улыбается. Я знаю, что она не верит в это, но все равно предпочитает довериться. Такая уж она.

Вскоре я заканчиваю звонок, засовываю телефон в карман и, поправив наряд, прохожу в один из игровых залов. В нем много людей. Я не знаю, с чего начать. Контролируя выраже-

ние своего лица, я медленно прохожу вперед. Я прогуливаюсь между столами, разглядывая каждого сидящего там игрока. Больше всего во время игры мне нравится становиться другим человеком.

Или, по крайней мере, больше всего мне нравилось раньше. Со временем ношение маски вошло в привычку. Я делаю это, даже когда не играю. Никому не под силу по-настоящему определить, кто я и о чем я думаю, кроме моей матери. Иногда мне удается обмануть даже саму себя, но в конечном счете реальность всегда находит дорогу домой. *Вот сучка.*

Руки чешутся все сильнее и сильнее. Я практически чувствую вес фишек в кармане. Хотя у меня их не так много, как хотелось бы. Я хороша в выигрыше денег, но чертовски плоха в их хранении. Это – мое проклятие.

Я замечаю женщин среднего возраста, развлекающихся за одним столом, а затем компанию мужчин в костюмах, сверлящих друг друга взглядами, за другим. В казино куча разных людей. Играть может каждый. Профессионалы, новички, богатые, бедные... Чтобы все изменить, достаточно одной купюры.

Это правда: казино дает шанс каждому. Но забирает оно гораздо больше. У меня оно забрало психическое здоровье.

Внезапно мой взгляд падает на стол в самом центре ярко освещенного зала. Туда, куда только что присел какой-то мужчина. Покер. Я мельком осматриваю его с головы до ног. Он молод, ему где-то около тридцати. Он принарядился: на нем черные брюки и пиджак. У его ног лежит рюкзак, а на столе – таймер. Я сразу же понимаю, что он играет онлайн, возможно, с ограничением по времени. У меня нет возможности выяснить, хорош ли он, но это не имеет значения: я и без того знаю, что выиграю.

Вот почему я, не окинув его и взглядом, сажусь к нему за стол, скрещивая длинные ноги. Кивком головы я приветствую крупье. Сначала мужчина заговаривает со мной на мандаринском, но я жестом показываю, что не понимаю, в надежде, что он просто забудет. Чаще всего они не заморачиваются.

– Рулетка с другой стороны, – все же насмешливо сообщает он мне на английском, не лишая себя удовольствия мельком взглянуть на мою грудь.

Я поворачиваюсь к нему и холодно ухмыляюсь в ответ. К нам присоединяется женщина лет пятидесяти, и игра начинается. Мое лицо непроницаемо и не выражает никаких эмоций. Я окидываю взглядом свои карты: червовый король и король треф.

Плевое дело. По моим венам устремляется адреналин, заставляя сердце биться все быстрее, и я делаю ставки все выше и выше. Я избегаю взглядов остальных игроков. Ненавижу смотреть в их лица. Разгоряченная, я сосредотачиваю внимание на картах, лежащих в центре стола. *Боже, как мне этого не хватало!*

Совсем скоро я выигрываю все, что поставила, и даже больше. И когда я забираю фишки мужчины, которого заметила в самом начале, то наконец-то смотрю ему прямо в глаза и с ноткой удовлетворения говорю:

– *Con le mani in tasca*¹.

У меня нет времени наблюдать за его реакцией, да в любом случае я знаю, что он ничего не понял. Я беру свой клатч и меняю стол. Блэджек опасно строит мне глазки. Я одариваю его двумя партиями, которые тоже выигрываю. Чувство эйфории убеждает меня продолжать, хоть я и обещала маме, что не стану злоупотреблять.

Через два часа я понимаю, что меня засекли. Крупье слеживают за мной: я чувствую это, когда встаю из-за стола и начинаю бродить по залу. Это значит, что совсем скоро меня вытурят.

¹ Как два пальца об асфальт (*итал.*).

Я и так урвала неплохую добычу. Но мне все равно хочется большего. Еще бы. Так это и работает. Большого, большего, большего... Этим зависимость и опасна. И все-таки... мне скучно. Я беззаботно брожу между столами. Я обожаю играть, но уже давно не получаю от этого удовольствия. Все игроки, с которыми я сталкиваюсь, предсказуемы, заурядны и совершенно лишены оригинальности.

Я заказываю в баре бокал вина и продолжаю свою охоту. Пойти домой? Нет. Ни за что. Мне нужно...

О!

Внезапно я останавливаюсь, приподняв бровь. В двух столах от меня в напряженной тишине играют трое мужчин. В этом нет ничего удивительного; любой бы прошел мимо них не моргнув и глазом. Так, собственно, все и поступают.

Кажется, даже крупье не обращает на них внимания.

Я легко и весело усмехаюсь и смотрю на человека с татуировкой. На того, что прячет карту в рукаве пиджака.

Мне хватило лишь одного взгляда на лицо этого парня, чтобы понять: игра стала его плотью и кровью.

Буквально.

Мои глаза с любопытством и безо всякого смущения скользят по нему: по черным как смоль волосам, глазам цвета облаков во время грозы, острой челюсти и бледным щекам с татуировками ровно под глазами. Слева – бубны, справа – трефы.

Он очень красив. Гораздо красивее, чем следовало бы. Мама всегда говорила мне, что красота – это оружие: способ отвлечь мир от худших из грехов, а то и вовсе простить их. И этот жулик с длинными пальцами тому доказательство.

Я прислоняюсь к стулу в нескольких метрах от них и, наблюдая за игрой, потягиваю напиток. В отличие от меня, этот мужчина не робеет под взглядами соперников. Наоборот: он неотрывно смотрит на них своими ледяными глазами, пока они не начинают по очереди играть. Словно бросает им вызов: попробуйте меня обвинить.

Внезапно, будто почувствовав мое пристальное внимание, его облачные глаза поднимаются и встречаются с моими. *Mamma Mia*. Я сдерживаю дрожь при виде его властного взгляда, но своего не отвожу. Вместо этого я одариваю его лукавой полуулыбкой, как бы показывая, что он не столь неуловим, как ему казалось. И тут же понимаю: он знает. Он знает, что я знаю.

Проходит всего две секунды, прежде чем его взгляд, до сих пор расчетливый и бесстрастный, сменяется заговорщическим подмигиванием. Поверить в это не могу. Хватает же наглости! Он хоть понимает, чем ему грозит жульничество в подобном месте?

– Флеш, – объявляет он, переворачивая свои карты. Бесспорно, он одержал блестящую победу. Он с невероятным достоинством неспешно собирает фишки, и никто не говорит ему ни слова. Никто не арестовывает его за мошенничество. Ненавижу себя за подобные мысли, но мне становится любопытно. Жульничество в казино – дело серьезное. Для этого нужна отменная пара – и я говорю не о картах.

Я прикусываю себя за щеку, разглядывая его средней длины волосы, зачесанные набок и элегантно спадающие на лоб. Все тело сигналист мне: от этого человека веет ОПАСНОСТЬЮ.

Но, разумеется, это лишь усиливает мое желание нырнуть в это с головой. Вот почему я колеблюсь лишь отчасти, когда он откидывается на стул и снова с искушающим выражением лица смотрит на меня:

– Партейку?

Глава 2. Май. Макао, Китай. ЛЕВИЙ

Бывают моменты, подобные этому, когда я жалею, что не вижу мир в красках, как это могут простые смертные.

Не сказал бы, что мне этого не хватает. Как может не хватать чего-то, чего у тебя никогда не было? Я родился с мыслью, что я нормальный. Что я вижу вещи так же, как и все остальные. Лишь когда мне было три года, моя мама поняла, что со мной было что-то не так.

Она постоянно говорила, что мой любимый свитер был синего цвета, но не сочетался с моими коричневыми штанами. Я этого не понимал. В моих глазах они были одинакового цвета. Как и все остальное. Или же почти все: одни вещи были очень темными, а другие – очень светлыми.

Разумеется, мой отец решил, что я вру. Что мне хотелось внимания, как и всем детям моего возраста. Только через год ввиду школы мама настояла на том, чтобы отвести меня к врачу.

Оказалось, что у этого есть название: ахроматопсия. Я не вижу цвета – и точка. Мне сказали, что мое видение окружающего мира – это спектр оттенков серого. Думаю, это действительно так. Не могу с уверенностью утверждать.

Какое-то время было трудно, но потихоньку я с этим свыкся. С таким типом инвалидности можно жить вполне нормальной жизнью, и я тому доказательство. Я пришел к тому, что не жалею о своем отличии. Я с этим смирился.

Но сегодня, когда мой взгляд томно скользит по этой кошкоподобной богине, я отмечаю, как сильно колет мое сердце. Я бы все отдал, чтобы увидеть ее во всем великолепии. Чтобы увидеть ее *по-настоящему*.

У нее темные короткие волосы, вероятно, черные или каштановые, такого же цвета, как и ее пронзительные глаза, очерченные длинной линией подводки. Ее кожа прозрачная, гладкая и, должно быть, шелковая на ощупь. Мне не удастся понять, какого цвета ее полные губы. Розовые? Персиковые?

На ней шелковые брюки с высокой талией, а под ними – белый кружевной корсет, что навеивает порочнейшие из мыслей. Ее взгляд, почти целиком скрытый за челкой, пристально изучает меня. Он говорит: «Я знаю, что ты только что сделал». Если бы Томас был здесь, он бы наверняка окинул меня убийственным взглядом. Он ненавидит, когда я жульничаю. Мне это тоже не нравится, но вечер стал смертельно скучным.

Я жульничаю лишь тогда, когда мне скучно.

Она меня сдаст? Больше никто не видел, что я сделал: это было слишком быстро и неуловимо. Никто, кроме нее. Как?

Когда крупье уже собирается начать новую партию, я осмеливаюсь взглянуть на девушку с кошачьими глазами. Она не сдвинулась ни на миллиметр. И все так же безотрывно и заинтригованно на меня смотрит. Чем дольше я ее разглядываю, тем красивее она становится. Я чувствую странную, утробную потребность узнать, как она играет, – назовем это профессиональным изъясном. Томас говорит, что в этом моя проблема – в моей порой чрезвычайной одержимости вещами или людьми, что разжигают мое любопытство.

Я поигрываю зажатými между пальцев фишками и бросаю в ее сторону на уверенном английском:

– Партейку?

Она не показывает эмоций. Я терпеливо жду, пока она раздумывает.

– Учитывая ваши методы, не уверена, что вы достаточно хороши, – отвечает она с чарующим акцентом. – Не обижайтесь, но мне нравятся достойные игроки. Я слишком быстро теряю интерес; это один из моих худших недостатков.

Ее слова вызывают у меня усмешку. Какой наглый ротик. Она не из робких, это точно. И это привлекает лишь сильнее. Нам, русским, нравятся женщины, которые знают, чего хотят.

Я поднимаю перед собой руки и торжественно обещаю:

– Я буду хорошо себя вести. Я умею подстраиваться под соперника.

Она довольно быстро принимает решение и просто присаживается напротив меня, задрав подбородок. Человек, который не умеет отказываться от вызовов; как раз в моем вкусе. Я молча исследую каждое ее движение. Она понимает это, но, в отличие от остальных, мой взгляд ее, кажется, не беспокоит. Несколько секунд я разглядываю ее фишки, подсчитывая их стоимость.

Сумма приличная...

Должно быть, она хорошо играет. Одной вероятности оказывается достаточно, чтобы кровь в венах побежала еще быстрее. Мы молчим, когда нам раздают карты. Мне выпадают две восьмерки, одна червовая и одна пиковая. Не прямо-таки восторг, но свое дело сделает.

Я пристально наблюдаю за ней, исключительно за ней, пытаюсь понять, какая у нее рука. Блефует ли она? Она играет молча или болтает, чтобы отвлечь своих противников? Пользуется ли она своим очарованием? Или, как я, предпочитает устрашать остальных ледяным взглядом?

Что бы там ни было, она категорически отказывается обращать на меня внимание. По какой-то причине это вот-вот сведет меня с ума. Она боится, что я выведу ее из равновесия, или поняла, что то, что она меня избегает, нервирует *меня*?

Незнакомка первой делает ставку. Она выглядит уверенной, но это не значит, что у нее хорошая рука. Я быстро обдумываю ситуацию и, особо не колеблясь, уравниваю ставку. В конце концов, я здесь для игры.

Три первые карты на столе, так называемый флоп, – это четверка трэф, шестерка пик и восьмерка бубен. Я стараюсь не показывать своего удовлетворения, но в этот раз она поднимает на меня глаза. Будто услышав мои мысли.

Я не отвожу взгляд, равнодушно упираясь подбородком в кулак. Какое-то время мы с ней боремся, а затем на ее лице появляется некое подобие улыбки. *Черт*.

– Вы, должно быть, считаете себя хорошим лжецом, – вдруг говорит она.

Ей все известно. Не знаю как, и этого достаточно, чтобы лишить меня всякого спокойствия, но ей удалось разглядеть то, что скрывалось под моей маской. Как? Это невозможно. Это просто совпадение. Она не могла понять, что я доволен картами, лишь взглянув на меня. Никто не может.

Не тушуясь, я делаю глоток лимонной водки и отвечаю:

– Поистине так.

Ее взгляд скользит по моей руке, быть может, слишком крепко обхватившей стакан, и снова улыбается.

– Если бы это действительно было так, вы бы знали, что недостаточно контролировать одно только лицо. Оно может быть сколь угодно бесстрастным, но если вы будете слишком беспечны, ваше тело из раза в раз будет вас предавать.

В глубине души я позволяю себе весело улыбнуться. Она права. Я сглупил. Я знаю об этом. Язык тела говорит не меньше, чем выражение лица. Я стараюсь за этим следить, но это сложнее, чем кажется.

Следующие две карты – пятерка червей и девятка трэф. На данный момент у меня очень хорошие шансы выиграть банк. Остальные игроки уже вышли из игры. Остались только мы с ней.

Если ей действительно известно, какие у меня карты, ей было бы лучше спасовать. Я пытался разгадать ее, но все это время она совершенно не поддавалась. Словно самый настоящий сейф. Я вместе со всеми остальными жду ее решения, когда она вдруг поворачивается ко мне.

– Как вы думаете, что я собираюсь сделать?

Я задумываюсь и честно отвечаю:

– На вашем месте я бы спасовал.

Она задумчиво кивает и слегка наклоняется вперед. Я не опускаю взгляда на ее скрещенные руки и продолжаю с вызовом смотреть ей в глаза. На ее щеку опадает одинокая ресница. Я сдерживаюсь, чтобы не слухнуть ее.

– Я собираюсь выиграть эту партию, – непринужденно заявляет она. – Согласна, учитывая уже выложенные в центре карты, вряд ли моя рука лучше вашей. Но вы кое-что упускаете.

И на этой ноте она делает ставку. Несмотря на свое замешательство, я ее уравниваю. Она первая вскрывает свои карты.

Шестерка трэф и семерка бубен.

– Стрит.

Твою мать. Она пристально смотрит на меня, оценивая мою реакцию. Должно быть, я злюсь. В конце концов, она только что в пух и прах меня разбила меня, профессионального игрока в покер! Через несколько недель мне суждено выиграть мировой турнир, а эта ниоткуда взявшаяся девушка дает мне понять, что я недостаточно хорош!

Шестью годами ранее моя гордыня меня бы погубила.

Сегодня же мою грудь наполняет нечто другое. Восхитительное ощущение адреналина. Любопытство, что переросло в сладкое возбуждение. Я испытывал нечто подобное, лишь играя против Тито: чувство уважения и зависти.

– Еще раз.

Кажется, ее не удивляет моя просьба. Я вижу, как она колеблется, а затем кивает, доставая свои фишки.

– Хорошо. Даю вам последнюю попытку понять, что именно позволило мне выиграть. Смотрите в оба.

О, именно так я и собирался поступить. Глядеть в оба, и только на нее, ни на кого другого. Меня раздражает не столько то, что она меня обыграла; такое случается. Хоть я и высокоуровневый игрок, в покере по-прежнему многое решает случай.

С другой стороны, я умею читать людей. Я никогда не ошибаюсь, просто потому, что мое шестое чувство непогрешимо. Вот только оказывается, что это не так, и она только что это доказала. Что же я пропустил?

На этот раз у меня туз и король червей.

Это хорошая рука. Я слежу за своим лицом и языком тела, когда крупье выкладывает на стол флоп: бубновых девятку и валета и трэфовую даму.

Тут есть где разойтись. К сожалению, незнакомке я уделяю внимания больше, чем собственной игре. Мне хочется понять, что она имела в виду под «вы кое-что упускаете». И она не облегчает мне эту задачу.

Когда наступает ее очередь, она медлит. Чересчур медлит. О чем она так напряженно думает? Ее взгляд блуждает, замирает в центре ладони, а затем она вдруг уверенно ставит на все, что у нее есть.

– *All in.*

Ва-банк? Серьезно? Ее решение сбивает меня с толку. О чем она думает? Если ей потребовалось столько времени, чтобы сделать ставку, то рука у нее так себе. Уверенные в легкой победе люди не колеблются. Но зачем же тогда идти ва-банк?

А может, она сделала это специально, чтобы породить во мне сомнения.

Вот только я сильно в этом сомневаюсь.

Она озорно ко мне оборачивается. У нее чертовски прекрасная улыбка. Столь же ужасно, что и соблазнительна.

– Ну так что? Уже поняли или еще нет?

– Я совершенно точно понял, что недооценивал вас.

Ее щека вздрагивает от веселья, и она скрещивает свои длинные ноги. Третий игрок пасует, сверля нас взглядом. Полагаю, на его вкус мы слишком болтливы.

– Если вам станет легче, – добавляет она кристально чистым голосом, – думаю, вы победите.

Однако ее это, кажется, совсем не беспокоит. Это странно. Люди не идут ва-банк, если думают, что проиграют. Она мухлюет? Быть не может. Наверняка она мной манипулирует и делает это весьма успешно.

Я по-прежнему не показываю своего раздражения, решив вместо этого явить спокойное выражение лица.

– С чего вы это взяли? Вы не знаете ни моей руки, ни будущих карт.

– Это легко вывести из большинства, если немного подумать. Я бы сказала, что у вас примерно... пятидесятидвухпроцентный шанс выиграть банк.

– И это все?

– Этого достаточно.

Действительно. Какая странная девушка.

– Зачем ставить на все, если шансы победить составляют всего сорок восемь процентов?

– Скорее сорок пять, – поправляет она. – Если учитывать сплит. Отвечая на ваш вопрос: игра еще не окончена. Я доверяюсь или судьбе, или науке – той, что первая ответит на мои молитвы.

Или судьбе, или науке. Я хмурю брови и, в последний раз окинув взглядом свои карты, тоже иду ва-банк. Я ни за что не сделаю фолд. Признаюсь, я умираю от желания увидеть, к чему это приведет. Я даже почти хочу, чтобы она победила!

Крупье вскрывает червовую восьмерку. Отличные для меня новости. И снова: с такими картами у меня все шансы выиграть. Я осмеливаюсь взглянуть в ее сторону, но она не меняется в лице.

– Ну так? Сколько у меня процентов теперь? – шучу я, пока крупье готовится раскрыть следующую карту.

Она не торопится с ответом, скрещивая на столе руки.

– Я бы сказала... где-то семьдесят три?

Я удивленно поднимаю бровь.

– Это много. Все еще думаете, что победите?

– А почему нет? – загадочно улыбается она.

Вдруг я замечаю, как она, не отрывая от меня глаз, незаметно приподнимает свои карты. Я неосознанно опускаю взгляд. Она намеренно показывает мне свою колоду, причем у всех на виду!

Бубновые туз и двойка.

Да что с ней не так? Я снова заинтригованно ее разглядываю, продумывая все возможные комбинации и сценарии, в которых она выйдет победительницей.

– Для этого понадобится чудо.

Она ограничивается пожатием плеч. Мы замолкаем и снова концентрируемся на центре стола. Мое сердцебиение учащается, когда крупье подхватывает долгожданную карту и переворачивает ее, открывая миру...

Двойку трэф.

Мое сердце гулко падает куда-то вниз, пока я пытаюсь это осознать. Поверить не могу. Она победила. Действительно победила. Благодаря одной только последней карте ее шансы на победу превратились из двадцати семи процентов в сто.

Она только что забрала весь банк с треклятым стритом – и вот опять. Вот уж поистине чудо.

Не в силах сдержаться, я с удивлением и восхищением смотрю на нее. В ответ она лишь одаривает меня дразнящей, победной улыбкой, скидывая все фишки в свой клатч.

Я искренне поздравляю ее и спокойно спрашиваю:

– Как вы узнали?

Я здесь бессилён. Я хочу, чтобы она объяснила мне то, что, скорее всего, будет терзать меня всю ночь. Сперва она колеблется, но все же сдается:

– Я не знала наверняка. В таком невозможно быть уверенным. Назовем это... предчувствием.

Я отказываюсь в это верить. Вот уже второй раз она так со мной поступает. Из-за нее я теперь на мели. Она невероятна. Мне хочется попросить ее подождать, пока я сниму еще денег, в надежде играть с ней еще и еще, пока не закончится ночь, но она закрывает свою сумку и говорит:

– Благодарю за туфли.

– Прошу прощения?

– Куплю их завтра на ваши деньги.

Я весело усмехаюсь, засовывая руки в карманы брюк. Если бы только здесь был Томас! Вне всяких сомнений, он бы ее возненавидел, но я бы с этого хорошенько посмеялся.

Я оглядываю ее нынешние черные классические туфли на шпильках. Или, может, они синие? Коричневые? Не могу сказать точно. Странно, но мне нравится, что она повеселится на мои деньги. Она этого заслуживает. Меня поимели, как новичка, а такое происходит не каждый день.

– Надеюсь, вы купите пару подоroje, – говорю я.

– Только такие я и покупаю.

Она встает, разглаживая свои шелковые брюки. Я делаю то же, собираясь предложить ей остаться и, быть может, даже выпить, но нас прерывают двое мужчин в костюмах. Я сразу же узнаю сотрудников службы безопасности. Они подходят к ней и вежливо с ней заговаривают.

Кажется, их внезапное появление ее не смущает, тем более когда она заявляет, что не говорит по-мандарински. Один из них делает шаг вперед и с серьезным взглядом повторяет на ломаном английском:

– Я вынужден попросить вас покинуть помещение.

Я хмурюсь. Она устало спрашивает причину. Словно подобное происходит с ней не впервые.

– Мы слышаны о вас, мисс Альфьери. Здесь, в Venetian, подобная тактика неприемлема.

Я вновь обращаю на нее все свое внимание, скрывая удивление. Он что, пытается сказать, что она обманщица? Да к тому же известная не в одном заведении! Мысленно я смеюсь, а мое уважение к ней становится лишь больше.

– Ах, все понятно... Мы с вами, значит, сделаны из одного теста.

Она прожигает меня взглядом, параллельно отвечая этим махинам:

– Подсчет карт не является жульничеством. Насколько мне известно, закон этого не запрещает. Не моя вина, что я умная.

Ее ответ застигает меня врасплох. Она... считает карты? Я в замешательстве смотрю на нее в свете этой новой информации. Подсчет карт действительно не запрещен. Всего лишь очень сильно не одобряется. Мало кому по силам подобный трюк, тем более в покере. Разумеется, каждый уважающий себя игрок пытается высчитать свои шансы на победу. Но существуют экземпляры вроде этой девушки, которые являются исключением. Нужно быть настоящим математическим гением, чтобы превратить это умение в подобное оружие.

– Я повторюсь: здесь подобный метод неприемлем. Я вынужден сопроводить вас к выходу.

Она закатывает глаза и говорит, что может дойти и сама. Она подмигивает мне так же, как подмигнул ей ранее я. Мне хочется помешать им, что-то сказать, неважно что, лишь бы она продолжила играть.

Но один из мужчин выходит следом за ней из комнаты, и вскоре момент оказывается утерян. Постукивая каблуками по полу, она исчезает за роскошными дверями.

Мне тоже нужно уходить. Мне все равно больше нечего ставить. Нужно рассказать о случившемся Томасу... Видит бог, я давал себе все шансы на то, что обыграю в этом году.

Я пообещал себе. Я ни за что не проиграю.

Но, возможно... возможно, мне нужна дополнительная помощь. Секретное оружие. План

Б.

Мастерский ход.

– Извините! – обращаюсь я к оставшемуся позади сотруднику, когда в голове начинается потихоньку расцветать безумная идея. – Как, вы сказали, ее зовут?

Глава 3. Май. Макао, Китай. РОЗА

Мама продолжает присылать мне сообщения и умолять вернуться домой. Она наверняка думает, что я провожу все дни напролет в казино, проматывая деньги, которых у меня нет, – и это не *совсем* неправда.

Вот что творит зависимость. Даже понимая, что пора остановиться, даже когда на твоём банковском счете – ноль, ты всегда находишь способ продолжить играть.

Потому что думаешь: «В следующий раз точно повезет». И иногда и правда везет. Один раз из трехсот. Это и без того опасно, а для меня – еще больше.

Потому что я не просто среднестатистический рядовой игрок. Я знаю, что в какой-то момент снова выиграю, и одна эта мысль внушает мне достаточно самонадеянности, чтобы продолжать тратить безумные суммы. Отсюда и мои долги.

Их могли бы оплатить родители, но я отказываюсь от них зависеть. Я разберусь с этим сама, как и всегда.

– Я хочу вот эти, – наконец говорю я, указывая на пару золотистых туфель.

Продавщица понимает английский и поэтому кивает, жестом приказывая своим коллегам этим заняться. Лучше бы мне было не тратить деньги столь неоправданным образом, да еще и на такие ненужные мелочи: в связи с тем что я много путешествую, вся моя жизнь должна уместиться в один чемодан. Единственное, что я непременно храню и подо что всегда оставляю место, – это мои кисти и тюбики с красками. Страсть, которую мне трудно оставить позади.

В остальном же я обычно обдумываю свои покупки, хотя в последнее время я словно с катушек слетела. Да и, черт возьми, эти туфли просто божественны! Покупая их, я вношу вклад в экономику страны, верно?

Я безо всяких проблем расплачиваюсь и выхожу из магазина с огромным пакетом в руках. Прикурив сигарету палладиевой зажигалкой – это подарок отца на восемнадцатилетие, – я уже собираюсь вернуться в «Кафе де Пари Монте-Карло», когда кое-что вдруг привлекает мое внимание.

Вау.

Мне это не снится. Мой взгляд падает на великолепный девятисотильный Ford Mustang Lithium цвета металлик. Просто конфетка. Ради него я даже останавливаюсь, взглядом скользя по его кузову... а затем и по мужчине, прислонившемуся к его задней двери и сунувшему руки в карманы брюк.

Бесстрастное лицо.

Пристальный, настойчивый взгляд.

– Пора ли мне звонить в полицию?

В его защиту игрок в покер с прошлой ночи не ведет и глазом. Он слегка наклоняет голову набок, не отрывая глаз от моих. Вопреки моим вчерашним словам, его нелегко прочитать. Он прекрасно владеет своей мимикой, и меня это раздражает.

Таким человеком гораздо сложнее манипулировать.

– Это вы мне скажите. Надо ли вас спасать... Роза?

Я прищуриваюсь. У меня тут же возникают два вопроса. Во-первых, откуда он узнал мое имя? И, во-вторых, как он меня нашел, да еще так быстро? Он хочет вернуть свои деньги? Поздно, от них уже почти ничего не осталось.

– Те самые туфли, я полагаю, – добавляет он, бросив взгляд на мой пакет.

Я улыбаюсь, изображая некое легкомыслие.

– Я верна своим словам.

– Исключительно высокое качество, его-то я обычно и ищу в людях.

Я недоверчиво приподнимаю бровь. К чему он клонит? Я спрашиваю, чего он от меня хочет и простое ли это совпадение, хоть я в этом и сомневаюсь. Он отвечает не сразу, концентрируясь на моей сигарете, которой я продолжаю затягиваться.

Наконец его взгляд снова встречается с моим, будто он отвлекся лишь на секунду.

– Вчера вы уехали в спешке.

– Правильнее будет сказать, что меня «выгнали».

Он слегка улыбается этим словам. Это длится всего полсекунды. Что-то стучит в стекло машины со стороны водителя, и я только сейчас замечаю, что он не один. Сквозь тонированное стекло проглядывает силуэт мужчины. Незнакомец не ведет и глазом, хотя я знаю, что он все слышал.

– К сожалению, не могу задержаться надолго. Мисс Альфьери, я пришел, чтобы предложить вам сделку. Вы, случаем, не ищете работу?

Еще как. Тем не менее я ничего не отвечаю. Я внимательно наблюдаю за ним, настроенная весьма скептически. У меня плохое предчувствие. В прошлом слишком много богатых и влиятельных мужчин задавали мне этот вопрос, только чтобы следом лишь попытаться меня раздеть. Больше я эту ошибку не повторю.

– А что, вам нужны сотрудники?

– Не совсем, но вы – то, что я называю исключением. Вы мне нравитесь.

Бинго. Решимости, с которой он это сказал, оказывается достаточно, чтобы вызвать у меня дрожь. Должна признать, после вчерашнего я бы никогда так о нем не подумала. Мое разочарование реально, но мимолетно. Я одариваю его ледяной улыбкой, уже готовясь развернуться и уйти.

– Прошу прощения, но я не проститутка.

Я знаю, что мы сейчас в Городе Грехов, экономика которого в основном строится на азартных играх и продаже секс-услуг, но все-таки. Это утомительно.

Кажется, он понимает, что я что-то перепутала, поскольку достает одну руку из кармана, жестом показывая, что я ошиблась.

– Думаю, произошло какое-то недоразумение. Вы нравитесь мне не в *этом* смысле, – заявляет он. – Скажем, скорее, мне нравятся ваши... умения.

Я не знаю, как на это реагировать. Я недоверчиво выпускаю еще одно большое кольцо сигаретного дыма.

– Это какие-то фетишистские фантазии, типа как у почитателей ступней? – спрашиваю я, а затем добавляю: – Не осуждаю.

У него вырывается еще одна сокрушительная улыбка. Будь я чуть слабее, уже бы сидела у него на коленях на заднем сиденье его красивой машины. Но я храню верность Карлотте.

– Уверен, у вас прекрасные ступни, но нет, у меня другие пороки.

– Например?

Пауза. Мой пристальный взгляд встречается с его, подстрекая на откровенность. В конце концов он легко, будто ничего не стыдясь, отвечает:

– Меня возбуждают деньги и власть.

Я чуть было не смеюсь ему в ответ. Возможно, мы с ним действительно одного поля ягоды.

– Разве не всех нас?

Улыбка на его бледном, непреклонном лице становится шире, как будто мой ответ пришелся ему по вкусу. Он отталкивается от машины, и я, пользуясь возможностью, оглядываю его с ног до головы. На нем тонкий джемпер, заправленный в кремового цвета брюки с высокой талией. Он выглядит стильно и элегантно. Улыбка делает его опасным, словно заклинитель змей, – наверняка она разбила множество сердец; но его взгляд... Боже, его взгляд...

Это взгляд самого Сатаны.

Разумеется, от этого он нравится мне еще больше.

– Держите, – говорит он, протягивая мне визитку, на которой виднеется имя Левия Ивановича. – У меня нет времени объяснять вам все сейчас, но, быть может, вы согласитесь выпить со мной по стаканчику сегодня вечером? Разумеется, за мой счет.

Я молча переворачиваю карточку в руках. На оборотной стороне уже написан адрес. Я узнаю роскошный отель «Ритц-Карлтон». Если он может позволить себе номер в подобном месте, то, пожалуй, мне стоит его выслушать. Или он просто зависает в местном баре?

К тому же вряд ли он намного меня старше. Я бы сказала, что ему лет двадцать пять. Я снова опускаю взгляд на визитку, надеясь найти на ней ответы на все вопросы. Все данные указаны на русском, но я узнаю английское название: «Распутин».

Быть может, компания.

– Буду ждать вас в баре в семь, – добавляет Левий.

– Жаль вас разочаровывать, но не думаю, что приду. Вы появились из ниоткуда, вполне возможно перед этим все утро за мной следив, затем чтобы сказать, что я вам нравлюсь, и предложить мне работу. Не хочу показаться параноиком, но частенько именно так женщины вроде меня становятся жертвами убийств и попадают в колонку новостей.

Он кивает, как бы принимая во внимание мои аргументы, и обходит машину, открывая правую заднюю дверь. Его водитель заводит автомобиль, и звук его мотора кажется сладкой симфонией для моих ушей.

– А если я скажу, что на кону много денег?

Я скрещиваю руки, не слишком впечатлившись его словами, и, бросив на асфальт сигарету, придавливаю ее каблуком. Как он догадался, что я клюну на приманку в виде денег? С такими шмотками любой бы решил, что у меня неприлично много бабла.

– *Quanto*²?

Это правда: язык денег не ведает границ. Уверена, что он ни слова не знает по-итальянски, и все же прекрасно понимает, что я спросила, потому что приподнимает бровь и отвечает:

– Достаточно, чтобы вас заинтересовать.

С этими словами он садится в машину и захлопывает за собой дверь. Что за самодовольный засранец. С легкостью могу предположить, что он из тех мужчин, которые не привыкли слышать «нет». Это худшие из мужчин; я ненавижу их всей душой.

Вдруг заднее стекло опускается, и он наклоняется в мою сторону, с тонкой ухмылкой на розовых губах глядя на мои ноги:

– Не терпится увидеть, какую пару вы выбрали.

* * *

Можете мне поверить: «Ритц-Карлтон» – это очень хороший отель. Не идет ни в какое сравнение с моим, хотя он не самый худший. Несколько человек, и мужчин, и женщин, неотрывно меня разглядывают, когда я захожу в лобби.

Вероятно, все из-за одежды.

На мне черные брюки с атласным топом без бретелей и очень глубоким V-образным вырезом. Короткие же волосы щекочут мне уши, проколотые маленькими золотыми колечками по всей длине хряща.

На мне золотистые туфли на высоких шпильках, купленные ранее и украшенные свисающими на лодыжке стразами. Я чувствую себя невероятно сильной и сексуальной. Готовой сразиться с этим Левием Ивановичем, которого узнаю незамедлительно – а как же иначе?

² Сколько? (*итал.*)

Он с комфортом расположился в одном из бордовых кожаных кресел возле бара, скрестив ноги и со стаканом виски в руке. Я опоздала, но он все еще сидит там и терпеливо меня ждет.

Я весь день убеждала себя, что никуда не поеду.

Но в последний момент любопытство стало просто невыносимым. Если я нравлюсь ему не в «этом» смысле, то я просто *обязана* выяснить, чего он хочет и, разумеется, о какой сумме идет речь.

Моя тетя говорит, что я продажная.

Я же называю это «практичностью». Я абсолютно неторопливо подхожу к нему и сажусь в кресло напротив, так же скрещивая ноги. Он словно слегка удивляется моему появлению, как если бы думал, что я не приду.

Мы молча перекидываемся взглядами, откинувшись на спинки наших кресел. Через пару секунд он допивает свой напиток и ставит стакан на разделяющий нас стол.

– Какую отраву предпочитаете?

Была бы она у меня всего одна. Я пробую пошутить:

– Выражайтесь точнее.

В этот момент появляется официант. Левий не сводит с меня серьезного взгляда.

– Там, откуда я родом, не принято отказываться от предложенной выпивки. Есть такое выражение: «Не пьют только шпионы». Так что... Бренди? Шампанское?

Я с превеликим удовольствием уступаю ему. Не говорю об этом вслух, но я в любом случае никогда не отказываюсь пропустить стаканчик. Не только в России любят пить.

– Уж лучше красное вино.

– Бутылку «Ао Юнь», господин? – предлагает официант на английском, более совершенном, чем мой.

Левий кивает и поясняет мне:

– «Ао Юнь» – это мифическое красное вино. Его также называют «Парящий над облаками». Вкусное, хотя я предпочитаю водку – из патриотизма, полагаю.

Пока нас обслуживают, я с любопытством осматриваю зал. Интересно, во сколько обойдется ночь в местном номере? Меня потихоньку начинает снедать мысль позволить себе подобную трату. Однажды я точно сюда вернусь.

– Я и сам бы не выбрал лучше, – раздается голос Левия.

Следую за его взглядом, упавшим к моим ногам или, вернее, туфлям, и легко улыбаюсь.

– Мое худшее проклятие – иметь вкус богатого человека, не будучи таковой.

– Вы можете таковой стать.

Я выгибаю бровь, и это побуждает его продолжить.

– Не стану ходить вокруг да около, – говорит он, наклоняясь вперед и небрежно опираясь локтем на колено. – Я много лет профессионально играю в покер, и меня очень впечатлил ваш стиль игры.

Ну еще бы, это было очевидно. Несмотря на свое поражение, он знал, что делал, и делал это хорошо.

– Никогда не встречал человека, который умел бы считать карты так, как это делаете вы, – добавляет он, не скрывая своего восхищения. – Всегда хотел так уметь, но меня вряд ли можно назвать гением математики...

– Так, значит, вы хотите получить частные уроки?

Я сказала это в шутку, но его серьезное выражение лица заставляет меня замолчать на полуслове. Неужели именно это он с самого начала и задумал? Какой странный парень.

– Я участвую в ежегодном мировом турнире по покеру в Лас-Вегасе, – говорит он, словно бы все этим поясняя. – Через неделю.

Я невесело усмехаюсь.

– Нельзя так быстро научиться считать карты.

Его глубокий голос звучит невероятно неприлично, когда он, будто бы говоря совсем о другом, спокойно заявляет:

– Я очень прилежный и целеустремленный ученик.

Черт побери, я чувствую, как меня пробирает до самых костей.

– Это ничего не меняет, – настаиваю я, отпивая глоток из своего стакана, чтобы скрыть покрасневшие щеки. – Мне потребовались годы, чтобы овладеть этим навыком. Ни единого шанса, что вы сможете сделать это за неделю.

Он загадочно мне улыбается, как будто я чего-то не понимаю.

– О, но если вы согласитесь помочь мне, мисс Альфьери, то отправитесь со мной в Лас-Вегас.

От его слов я теряю дар речи. Вот теперь ему удастся меня заинтересовать. Я уже словно наяву вижу, как мама говорит мне, что это не лучшая идея и что Лас-Вегас – это последнее место на земле, куда стоит ехать человеку вроде меня.

И все-таки я уже представляю себя там. Я мечтала побывать в Лас-Вегасе с пятнадцати лет.

– Хорошо, я слушаю. Что от меня потребуется?

Если его и радует моя реакция, он этого не показывает. Как будто он и без того знал, что я сдамся. И одна только эта мысль выводит меня из себя.

– Я хотел бы, чтобы вы сопровождали и тренировали меня на протяжении всего турнира; это довольно распространенная практика для игрока – иметь наставника, хотя у меня их до сих пор никогда не бывало. Это означает, что вы будете вынуждены оставаться рядом со мной практически все время. Конечно же, вам хорошо за это заплатят. Если я выиграю главный приз, вы даже получите часть призовых. Мне все равно не нужно столько денег.

Как высокомерно. И все же он сказал это так искренне и безо всякого притворства, что мне даже не захотелось плюнуть ему в лицо.

Я делаю вид, что раздумываю над его предложением, когда он вдруг спрашивает:

– Вы также весьма подкованы в вопросах языка тела, не так ли?

Я долгое время сомневаюсь, прежде чем раскрыть ему правду. Я все равно ничем не рискую с подобного рода информацией.

– Моя мама – поведенческий психолог. Она активно занимается теорией микровыражений и выявлением лжи. Я была активно во все это погружена.

Эта новость его, похоже, удивляет, но главным образом радует. Он медленно кивает, в то время как его мозг, вне всяких сомнений, активно переваривает информацию, и спрашивает, не работаю ли я, случаем, в той же области.

– Я тоже изучала психологию, да.

– Теперь понятно. Значит... вы можете определить, кто блефует, а кто – нет, так?

– Это не точная наука, но в девяноста процентах случаев – да, могу. Это моя суперспособность, – вздыхаю я, делая еще один глоток вина.

Левый долгое время ничего не говорит. Он явно размышляет: его взгляд все еще прикован ко мне, и все же он не смотрит на меня. Он где-то в другом месте.

Когда он наконец возвращается на землю, то улыбается столь же очаровательно, сколь и расчетливо.

– Роза Альфьери, вы – ангел, упавший с небес.

Это вы так думаете.

– Я кто угодно, но только не ангел.

– Что ж, в этом мы похожи, – говорит он, выпрямляя ноги. – Мы наверняка еще вспомним об этом разговоре много лет спустя, в аду, сожалея о том, что не были чуть более скромными. А пока пойдемте.

Я уже сделала, или почти сделала, свой выбор, но все-таки не тороплюсь его озвучивать: мне хочется, чтобы он потерял терпение. Он терпеливо ждет, и в этот самый момент я задумываюсь, а не читает ли он мои мысли.

Не хочу, чтобы он считал меня настолько предсказуемой. Я отказываюсь позволять ему думать, будто у него есть надо мной преимущество. Но я представляю себе Лас-Вегас: чарующий шум игровых автоматов, бесконечные покерные столы, текущие рекой деньги... Круглые сутки напролет...

Я должна туда поехать.

Вот почему я решаю сыграть с дьяволом.

– Честная женщина не поддается на зов денег, тем более когда он исходит от мужчин столь распутных нравов.

И снова он не кажется удивленным. Он достает из внутреннего кармана записную книжку и ручку и пишет что-то, чего мне не удастся разглядеть. Затем он отрывает листок, складывает его и по столу передает мне. Я замечаю новые татуировки у него на пальцах: числа, смысл которых мне непонятен.

Я подхватываю бумажку, открываю ее, и мое сердце начинает взволнованно колотиться при виде написанных на ней нулей. Я одариваю его улыбкой, пряча сложенный листок в лифчик:

– К счастью для нас с вами, я не честная женщина. Где мне подписаться?

Глава 4. Май. Макао, Китай. ЛЕВИЙ

Роза Альфьери – личность интересная.

Я знаком с ней всего несколько дней, но она уже превзошла все мои ожидания. И все же я ничего о ней не знаю. И, боже мой, она просто безупречно прячет от меня все то, что я пытаюсь раскрыть. Ее лицо – это безупречно белый холст, лишенный всякого выражения; словно запертый на двойной замок сейф.

В него невозможно проникнуть.

Даже ее улыбки фальшивы. Неудивительно, что мне это нравится. Не потому, что мне нравятся сейфы, но потому, что хранящееся в них обычно того стоит.

Томас по-прежнему твердит мне, что я совершаю ошибку. Что я ослеплен победой. Местью. По возвращении в наш гостиничный номер я просто улыбнулся ему, развязывая галстук, и, как самоуверенный засранец, коим и являюсь, сказал:

– Бывала ли у меня хоть раз плохая идея?

Моего друга, удобно развалившегося на своей кровати, судя по всему, моя актерская игра не особо впечатлила.

– Например, эти нелепые татуировки у тебя на роже?

Услышав это, я с негодованием нахмурился и замер на месте. Томас говорит с очень сильным шведским акцентом, из-за чего его бывает нелегко понять, но суть я более чем уловил.

– Ты сказал, они классные!

– Левий, в тот вечер в нашей крови было по четыре грамма алкоголя. С нетерпением жду, что ты скажешь по этому поводу, когда тебе будет лет девяносто.

Я ничего ему не ответил, потому что, насколько бы пьяным ни был, я никогда не пожалею о своей татуировке. Это была не просто блажь, это была дань уважения картам. Чтобы никогда не забывать, что они у меня забрали и что они из меня сделали.

Итак, Роза подписала контракт – настояв на том, чтобы у нас в принципе был контракт, – а затем на два дня исчезла, не без причитаний на тему того, что ей «придется продать Карлотту» раньше, чем она рассчитывала, – кем бы эта Карлотта ни была. Надеюсь только, что это не ребенок.

Мы ждем ее в аэропорту Макао уже добрых десять минут. Томас то и дело злобно пыхтит себе под нос. Он совсем не умеет ждать. А еще он не успел свыкнуться с тем, что наша компания стала больше; подозреваю, он хочет владеть мной единолично.

– Еще минута, и мы уйдем без нее.

– Она придет, – заверяю его я, удобно расположившись на одном из стульев в ряду. – Она просто хочет доказать, что, кроме нее самой, ей никто не указ.

– Сколько ей, пятнадцать?

Я не отвечаю, потому что в этот самый момент замечаю Розу, одетую в джинсы с высокой талией и темный топ с накинутым поверх пиджаком размера XL, вероятно купленным в мужском отделе. Стоя перед автоматическими дверями, она с абсолютнейшим спокойствием докуривает сигарету, а затем, раздавив ее каблуком, присоединяется к нам. При виде этой дурной привычки я качаю головой.

Увидев ее хоть и огромный, но все-таки один-единственный чемодан, я гадаю, как ей удалось вместить в него всю свою обувь – а ее у нее, могу догадаться, много.

Я лишаю ее удовольствия лицезреть мое раздражение ее опозданием и со столь же непроницаемым выражением лица, что и у нее, быстро знакомлю их:

– Роза Альфьери, Томас Кальберг.

Она окидывает его равнодушным взглядом, который соскальзывает с его короткой бородки на длинные светлые волосы, завязанные в пучок, а затем щурится за стеклами винтажных солнцезащитных очков.

– О. Ты тот шофер с прошлого раза.

Губы Томаса забавно поджимаются, и при виде этого я едва сдерживаю улыбку. Он, разумеется, это замечает и сверлит меня взглядом. Многие люди совершают одну и ту же ошибку: начинают его раздражать.

– Я не его шо...

– Тебе когда-нибудь говорили, что ты похож на Криса Хемсворта? Ну, скорее... на его бета-версию.

Да, по крайней мере пару сотен раз. Это худшее проклятие Томаса, и, что бы он ни делал, ему не удастся от него избавиться. Не будь у него этого ужасного шрама, проходящего поверх тонких губ, никто бы и не заметил разницы.

Я улыбаюсь и поддразниваю его, положив ладонь на его мускулистое плечо.

– А ты глазастая, Роза. Более того, он его официальный шведский двойник. Приходит на дни рождения, а иногда и на девичники; за то, чтобы снять рубашку, берет дополнительные пятьдесят евро. Так ведь, Томми?

Моего ласкового обращения оказывается недостаточно, чтобы черты его лица смягчились, когда он оборачивается ко мне и сквозь стиснутые зубы говорит:

– Ты обещал, что завяжешь с этой дурацкой шуточкой. После трех лет уже не смешно.

– А я нахожу ее уморительной, – вставляет Роза.

Томас не обращает на нее никакого внимания и равнодушно говорит мне:

– Она мне не нравится. Давай оставим ее здесь.

Ему никто не нравится – кроме меня, разумеется. А как же иначе?

– Томас мне не шофер, а телохранитель и партнер, – объясняю я Розе, дабы закрыть тему, а затем шепчу ей: – Он ненавидит разговоры о Крисе. Это у него табу.

Я не вру, однако мой лучший друг действительно выполняет роль шофера, когда нам приходится куда-то ехать. Из-за своей инвалидности я не могу сдать экзамен по вождению: считается, что у меня слишком плохое зрение, чтобы водить машину.

– Тоже игрок в покер? – спрашивает она.

Томас ограничивается кивком, словно говоря: «Мне платят слишком мало, чтобы я делал вид, будто она мне нравится». Роза поворачивается ко мне и с невероятно серьезным видом говорит:

– Я думала, ты профессионал.

– Ровно так.

– Только новички думают, что на соревнованиях можно завести «друзей», – отвечает она. – Особенно на многомиллионном мировом турнире.

Я сопротивляюсь желанию улыбнуться. Она права, и мне прекрасно это известно. Но она меня не знает. Она ничего не знает о моей жизни. Вот почему я подхожу к ней на опасно близкое расстояние и, опьяненный запахом ее духов, шепчу:

– Когда мне понадобятся твои советы, я тебя о них попрошу.

С этими словами я подхватываю свой чемодан и выдвигаюсь в сторону очереди на регистрацию. Необязательно оборачиваться, чтобы понять, что сейчас она, вероятно, кипит от негодования. Томас идет рядом, победно ухмыляясь.

В самолете он притворяется, что спит, чтобы не вести никаких разговоров. Роза, наверное, предпочла бы поступить аналогичным образом, но я добровольно беру ее в заложники.

Я до сих пор не объяснил ей свой план от начала и до конца. Даже не сказал, почему мне так важно победить. Томас предпочел бы, чтобы я от этого воздержался, но я считаю, что это

жизненно необходимо. Для того чтобы все получилось, мы должны быть в состоянии хотя бы немного друг другу довериться.

– Расскажи мне о себе, Роза.

– Где ты научился играть в покер? – вместо этого спрашивает она. – Я думала, что в России это запрещено.

Я чуть склоняю набок голову, удивляясь выбранной ею тактике уклонения. Значит, она не любит говорить о себе. Понятно.

– Так и есть, – просто говорю я. – Азартные игры запрещены законом, но в модных клубах и ресторанах бывают тайные комнаты. Чтобы туда попасть, нужно заплатить.

– Мне нравится, прямо как в фильмах про Джеймса Бонда. Я так предполагаю, ты в своем клубе тоже проводишь подпольные? Я бы так и поступила.

– Может быть, может быть... Любовь к играм я унаследовал от своего отца – он был известным игроком.

Роза хихикает над шуткой, понятной только ей.

– Полагаю, он был или жалким типом, или гением.

– Первый вариант. А ты?

Секунду она колеблется, а затем наконец отвечает, пристально глядя мне в глаза:

– А «что» я? Ты о моем отце? Или о том, где я научилась покеру?

– Что тебе больше нравится.

Она озорно улыбается, глядя куда-то мне через плечо, в сторону окна.

– У меня был наставник, – вздыхает она после долгой паузы. – Сначала он передавал мне свои знания. Потом, поняв, что у меня талант, он решил этим воспользоваться. Я стала для него подарком судьбы. Способом разбогатеть. А я слишком сильно его любила – достаточно сильно для того, чтобы это ему позволять.

Видимо, я не лучше этого мужчины, поскольку понимаю его. В некотором смысле я делаю то же самое. Я молчу, не мешая ей продолжать. К сожалению, она быстро приходит в себя и снова смотрит на меня.

– Чего именно ты от меня ждешь? Что я научу тебя считать карты? Что стану твоим Кэлом Лайтманом? Или ты ждешь помощи в совершении величайшего обмана века, типа как в «Одиннадцати друзьях Оушена»? Ничего не имею против, но только если я буду Мэттом Деймоном – он не только самый красивый, но еще и самый умный.

Я понижаю голос и очень коротко объясняю свой план. Я рассказываю ей о Тито и своем нестерпимом желании победить. Она спрашивает, почему я так против него настроен. Я вру, отвечая, что до сих пор он всегда побеждал меня, и не всегда это было честно, – что тем не менее правда.

– А, так, значит, он мухлюет.

Я в ответ киваю. Она снимает свой пиджак, обнажая шелковистые и слегка загорелые плечи. По нашему ряду расплзается запах ее духов – сладкий запах персика и сандала, похожий на шепот смутного воспоминания в лучах солнца, затерявшегося в полях среди оливковых рощ.

– Тогда просто нужно его сдать. Проблема решена.

Я категорически отказываюсь.

– Это слишком просто и гораздо менее весело. Я хочу, чтобы он мне проиграл.

Кажется, ее несколько удивляет мой твердый и решительный тон. Томас тоже думает, что его нужно сдать. Именно так он с самого начала и посоветовал мне поступить, когда три года назад я ему об этом рассказал. Я все еще верен словам, сказанным в тот день.

– Я человек чести.

– Сказал тот, кто в нашу первую встречу мухлевал, – парирует она, выгибая бровь.

Я мягко улыбаюсь.

– Это другое. Я жульничал не ради победы. Я бы и без того тогда выиграл.

– Я думала, такое предсказать невозможно.

– Мой оппонент вспотел, словно свечка у огня, – терпеливо отвечаю я. – Не нужно быть асом в определении лжи, чтобы понять, что у него на руках было не больше одной пары. Он очень плохо блефовал.

– Тогда зачем ты жульничал?

Пауза. Заинтригованно смотрю на нее. Я прекрасно осознаю, что она все понимает – а может, и сама испытывает то же самое. Тогда зачем задавать мне этот вопрос? Я подыгрываю ей и, пожав плечами, отвечаю:

– *Adrenalin*³. Разумеется, все ради адреналина.

Она молча кивает. Я объясняю, что в течение различных турниров, проходящих в это время, то есть на протяжении пятидесяти одного дня, мы будем проживать в «Сизарс-пэлас» за счет моих спонсоров. До и после игр мы будем тренироваться, а во время них она станет мне помогать. От этого она кривится.

– Я не завсегдатай турниров... но не думаю, что общественности позволено шляться по игровым залам. Разве нет?

– Ты права, но я уже все продумал. Ты спокойно сможешь прогуливаться между столами и наблюдать за моими оппонентами, а затем рассказывать мне об их привычках.

Она окидывает меня вопросительным взглядом, но я обещаю все ей объяснить, когда мы доберемся до отеля.

– Очень похоже на жульничество, но ладно.

Я ничего не отвечаю. Остаток полета мы проводим за сном; вернее, она посапывает, а я пользуюсь этим и размышляю обо всем, что может пойти не так, как только мы долетим до Лас-Вегаса.

Я знаю, что нанимать Розу – это безумие. Я ни за что не смогу научиться подсчитывать карты за столь короткое время. Да и, чтобы быть предельно откровенным с самим собой, даже если бы потратил на это всю оставшуюся жизнь, все равно не смог бы. Но почему бы не попытаться?

Больше всего меня интересуют ее способности к наблюдению и анализу. Если она поможет мне расшифровать стену по имени Тито, у меня появится дополнительный шанс его победить.

И если для этого нужно заплатить потерянной, неуравновешенной и высокомерной девушке небольшое состояние... Что ж, да будет так.

* * *

Я очень быстро понимаю, что Роза никогда не бывала в Лас-Вегасе. Едва мы прилетели, как она молча замерла и стала оглядываться по сторонам любопытными, голодными и даже отчасти восхищенными глазами.

Я знаком с ней меньше недели, но я знал, что ей понравится. Когда Томас открывает багажник взятой напрокат великолепной машины, черной и блестящей Audi R8, Роза в почти благоговейном жесте проводит по кузову рукой.

Еще в прошлый раз я убедился, что ей нравятся красивые машины. Если подумать, быть может, это и объясняет «Карлотту» – слава богу, это оказалась не собака или еще что похуже.

– Можно я поведу?

– Нет, – отвечает за меня Томас, закидывая наши чемоданы в багажник.

³ Для акцентного выделения реплик героя, сказанных на русском и являющихся иностранными для остальных героев, в дальнейшем они будут передаваться транслитерацией. (*Прим. пер.*)

Роза вызывающе прожигает его взглядом. На ее месте я бы не стал играть против Томаса: она рискует лишиться своих перышек. Но меня забавляет их грызня, и потому я не лезу.

– Почему?

– Во-первых, потому, что за рулем всегда я. Во-вторых, потому, что мы знаем тебя сколько... пять минут?

Она по-итальянски бормочет что-то, чего я не понимаю, а затем наконец одаривает его насмешливой улыбкой.

– Прости, Крис. Ты прав, это твоя работа.

С этими словами она оставляет ему свой чемодан и, в лучших традициях избалованной принцессы, забирается на заднее сиденье. Я против своей воли улыбаюсь, засовывая руки в карманы. Ну что за восхитительная дрянь! Томас сжимает челюсти в попытке сдержаться и злобно на меня смотрит. Еще немного, и он взорвется.

– Я оставлю этот гребанный чемодан на тротуаре, Левий. Покуда я жив, моя рука его не коснется.

Пожалуй, стоило предупредить Розу о том, что Томас отличается от других и что ей стоит подумать дважды, прежде чем его провоцировать... Из-за комплекса бога он слишком горделив для своего же блага, а его неспособность сопереживать другим порой приводит к агрессивному поведению. Мы все еще работаем над этим. В остальном же он отличный парень!

Я прохожу мимо него, похлопывая по плечу, и тихо говорю:

– Я бы многое заплатил, чтобы на это посмотреть... Но она мне нужна.

– Тебе никто не нужен.

Хотелось бы, чтобы это было правдой.

– Будь с ней поласковее, ладно? Бедняжка даже не подозревает, что ее ждет.

Он морщит лоб и спрашивает, что я задумал. Я поднимаю чемодан Розы и, засунув его внутрь, закрываю багажник. Улыбаюсь, вновь вспоминая о той мысли, что пришла ко мне в самолете, и представляю, как она рассердится, когда узнает о ней.

Я просто гений.

– Доверься мне. Она быстро лишится этой своей улыбочки.

Томас сдается и везет нас в отель.

Я так измотан, что во время поездки не произношу ни слова. Роза безотрывно смотрит в открытое окно; ее короткие волосы развеивает теплый ветер. Здесь просто невыносимая жара. Я совершенно точно не скучал по привычным для Лас-Вегаса сорока пяти градусам: эта температура далека от той, к которой я привык, живя в Санкт-Петербурге.

К нашему прибытию в отель у входа уже собралась небольшая толпа. Еще издали замечаю знакомые мне лица культовых игроков. «Сизарс-пэлас» – идеальное место для проживания в Лас-Вегасе; к тому же здесь собираются многие состоятельные игроки.

– Похоже, в это время приехали не только мы, – бормочет Томас под нос.

Ровно так, как я и планировал.

Роза следует за моим взглядом, направленным в спину Тито. Я бы узнал его где угодно: огромный, с мощными плечами, с волосами с проседью, всегда зачесанными назад, и квадратной челюстью, которая, судя по всему, нравится женщинам.

Словно почувствовав мое присутствие, заклятейший из моих врагов оборачивается, в то время как мой друг паркуется. Его глаза встречаются с моими, словно два магнита, что неизбежно притягиваются друг к другу, и он во все зубы улыбается.

Словно говорит: «Я ждал тебя».

У меня крутит живот, и все внутренности будто устремляются куда-то к горлу. Терпеть не могу это смешанное чувство ярости и страха, что охватывает меня каждый раз, когда его вижу. Он внушает мне страх.

– Может, вернемся позже? – спрашивает Томас, пялясь на людей, собравшихся вокруг Тито, словно осы вокруг горшка с медом.

Я запоздало понимаю, что это журналисты.

Просто идеально. Даже лучше, чем я планировал.

– Нет необходимости. Пошли.

Томас выходит первым. Роза молча поглядывает на меня, словно понимая, что что-то не так. Я расстегиваю свой ремень и наклоняюсь к ней, чуть ближе, чем нужно. И тем не менее она ни на дюйм не сдвигается. Я подношу лицо к ее уху и шепчу:

– Мужчина справа, похожий на Мадса Миккельсона. Видишь его?

Ее кошачьи глаза, скрытые за солнцезащитными очками, следуют за направлением моего взгляда, и она очень осторожно, украдкой кивает.

– Тито, как я понимаю.

– Именно так. Запомни это лицо.

В момент когда Томас достает наши чемоданы, я открываю со своей стороны дверь. Я прошу его пойти первым и зарегистрировать нас. Один из журналистов, окружающих Тито, воспользовавшись тем, что я остался без защиты, подходит ко мне с камерой на плече, побуждая остальных поступить аналогичным образом.

Роза стоит позади, стараясь не привлекать к себе внимание, – впервые с нашего знакомства. Я думал, что ей нравятся объективы камер, но, полагаю, и у ее самолюбия все-таки есть пределы.

– Левий, посмотрите сюда! Каково это – вновь оказаться здесь после очередного вашего поражения в прошлом году?

Сыпать соль на рану: классическая тактика акул вроде него. И тем не менее я не теряю уверенности, понимая, что здесь камеры, и в особенности чувствуя пристальный взгляд Тито, стоящего в нескольких метрах поодаль. Он наслаждается происходящим.

– Как и всегда: очень захватывающе. С нетерпением жду встречи со своими будущими оппонентами.

Несколько журналистов заговаривают одновременно, и я не понимаю, что мне говорить. Одна девушка повышает голос, поднося микрофон прямо к моему лицу.

– Три месяца назад вы забросили настоящую бомбу. Вы можете подтвердить, что это будет ваше последнее участие в WSOP?

– Все верно.

– Значит, ваше решение не поменялось? – упорствует она.

– Менять решение не в моем стиле.

– Не могли бы вы поделиться причиной? – спрашивает кто-то другой. – Это довольно неожиданно с вашей стороны. Особенно после нескольких поражений подряд.

Я сдерживаюсь и не говорю ему, что попадание в тройку лидеров не является поражением. Не стать победителем не означает проиграть. Вместо этого я выдерживаю драматическую паузу. Моя загадочная полуулыбка, судя по всему, вызывает у них еще больше любопытства.

– Скажем так... не так давно я осознал, что в этой жизни есть более важные вещи.

– Что вы имеете в виду? Вы планируете заняться чем-то еще?

– Именно. Я всей душой люблю покер, но сейчас мне бы хотелось начать строить нечто совершенно иное.

Я скорее чувствую, чем вижу, как прищуривается издалека Тито. От возбуждения меня пробирает дрожь, когда я с улыбкой объявляю:

– Человек, которого вы видите перед собой, скоро женится!

Я не обращаю внимания на стоящую за моей спиной Розу, что давится собственной слюной, и, обернувшись, беру ее за руку. Ее кожа, соприкасающаяся с моей, холодная, но нежная.

Не решившись заглянуть ей в глаза, уверенный, что не увижу там ничего, кроме ненависти, я добавляю:

– Позвольте представить вам мою прекрасную невесту – Розу Альфьери.

Глава 5. Май. Лас-Вегас, США. РОЗА

Никогда еще мне так сильно не хотелось кого-то ударить.

Левий одаривает толпу гордой, достойной новобрачного улыбкой, и на секунду я представляю, как заряжаю ему кулаком прямо в лицо. Словно прочитав мысли, он сжимает мои пальцы своими, приказывая быть паинькой. Он задумал это с самого начала, ублюдок.

Я молчу, взглядом избегая камер. Я не слишком хорошая актриса. Да, я умею врать и скрывать эмоции. Но актерствовать – это совсем другое.

– Прошу прощения, но у нас был долгий перелет, – говорит Левий, по-джентльменски подхватывая мой чемодан. – Мы хотим отдохнуть. Правда ведь, *lyubimaya*?

Не знаю, как он только что меня назвал, но когда он смотрит на меня взглядом, полным любви и обожания, я борюсь с желанием вдарить ему коленом по яйцам.

О, я его прибыю.

Что с ним, черт возьми, не так? Я на такое не подписывалась! На протяжении всего времени, что мы пробиваемся к входу, он не выпускает моей руки, и я слишком поздно понимаю, что так он пытается скрыть отсутствие кольца на моем пальце. Он с самого начала это планировал? Или он так меня наказывает? Этим поступком он припер меня к стенке, заманил в ловушку, потому что знал, что я не смогу все опровергнуть при свидетелях.

О, он не знает, с кем связался.

Я сохраняю внешнее спокойствие, когда мы встречаемся с Томасом в вестибюле отеля. Он удивленно и недовольно поднимает бровь, замечая наши сцепленные руки, но ничего не говорит и протягивает ключи от номера. Левий кладет их в карман брюк и говорит ему зайти за нами через час.

В моих жилах закипает кровь. Я чувствую на себе взгляды окружающих нас людей, и только это сдерживает меня и не дает взорваться. Словно ни в чем не бывало мы заходим в лифт, и в ту же секунду, как за нами закрываются двери, Левий первым выпускает мою руку, да так резко, будто это прикосновение его обожгло.

В следующий миг я хватаю его за воротник рубашки и с силой впечатываю в стену лифта.

– *Cazzo*⁴! Что с тобой не так?! – яростно кричу я в нескольких сантиметрах от его лица.

Он не меняется в лице, будто ожидал подобной реакции. Он просто смотрит на меня сверху вниз, и его ресницы щекочут щеки. Несмотря на его показное спокойствие, я понимаю, что мой тон не особо приходится ему по вкусу.

– Я не очень люблю, когда меня трогают. Отпусти, – сухо приказывает он. – Сейчас же.

– А я не люблю, когда из меня делают дуру. Полагаю, всем нам приходится с чем-то мириться.

Недавняя улыбка полностью исчезает с его лица, и на смену ей приходит невероятно холодное выражение. Он одновременно прекрасен и ужасающ. Наверное, мне бы лучше не связываться с подобным человеком, но отступить не позволяет гордость.

– У стен есть уши, – в конце концов говорит он.

Когда открываются двери, он берет меня за запястье, я мигом выпускаю его рубашку. Невозмутимо ее разгладив, он выходит из лифта, даже не проверив, иду ли я следом.

Мне даже не удастся восхититься красотой ни коридора, ни самого номера люкс – люкс! – когда мы в него заходим. Я ограничиваюсь тем, что, замерев посреди комнаты, возле бильярдного стола, скрещиваю на груди руки и жду от него объяснений. Левий же не торопится их давать и, тихонько вздохнув, опускается на велюровый диван фиолетового цвета.

Он проводит рукой по темным волосам, на секунду обнажая лоб, и расслабляет галстук.

⁴ Твою мать! (*итал.*)

– Эта невинная ложь – часть моего плана по ослаблению Тито, – наконец проясняет он. – Хочу, чтобы он думал, что победит, что я потихоньку отхожу от покера, и тогда он ослабит бдительность.

Что ж, по крайней мере, за этим реально крылось нечто большее, чем просто желание мне насолить... Но «невинная» ложь? Правда? Речь ведь о браке! В моем мире брак священен. Я испытываю желание прикончить его просто за то, что он обманул меня, но зов денег побеждает.

– Каким образом?

Левий поднимает на меня глаза и одаривает откровенно дьявольской улыбкой. У меня почти появляются мурашки.

– Тито меня знает. Он знает, что я ни за что не сдамся, – не после того, как однажды пообещал свергнуть его с пьедестала. Единственное, чему потенциально под силу отвлечь меня от цели, – это любовь, – добавляет он, постукивая в районе сердца двумя татуированными пальцами.

Ход его мыслей несколько застигает меня врасплох. Если я правильно понимаю, он хочет, чтобы Тито и все остальные поверили в то, что он встретил свою любовь. Что эта любовь отвлекает его от покера. Что теперь он почивает на лаврах. Что больше не стремится к победе.

Притянуто за уши, но все же недурно.

Левий скрещивает длинные ноги, откидываясь на спинку дивана, и многозначительно на меня смотрит.

– Мужчины слабы, Роза. Моей слабостью будешь ты.

– Я не давала своего согласия на подобный фарс. К тому же мы *не* помолвлены. Мы даже не знаем друг друга.

В ответ на это он хитро улыбается.

– Мы в Лас-Вегасе, Роза. Здесь возможно все.

Этот человек просто спятил. И гораздо сильнее, чем я думала. Во что я, черт возьми, ввязалась?

– Я не выйду за тебя.

Он отмахивается от моих слов и так, будто это само собой разумеется, отвечает:

– Конечно же, не выйдешь. Это лишь для отвода глаз.

Неужели я действительно раздумываю над этим? Притворяться женихом и невестой гораздо хлопотнее того, что он мне обещал. Я не актриса. Более того: это опасная игра. В особенности с мужчиной вроде него.

С другой стороны... это прекрасная возможность выдвинуть свои требования. В конце концов, это всего полтора месяца.

– Я даже не знаю, кем ты работаешь. С учетом всей имеющейся у меня информации ты с таким же успехом можешь быть членом русской мафии.

Он закатывает глаза, а затем ровным голосом отвечает:

– Как банально. Я владелец русского ночного клуба «Распутин». Так спокойнее?

Это открытие весьма меня удивляет. Владелец ночного клуба? Вкупе с покером он, кажется, действительно вполне может быть при деньгах. Но я не могу сдать после первого же пройденного препятствия.

– Хорошо, я согласна. Но я хочу больше денег.

– Само собой разумеется.

Затем он объясняет мне, что забронировал номер люкс, чтобы у всех было достаточно личного пространства, но при этом со стороны казалось, будто мы спим в одной постели. Пове- рить не могу, что реально это делаю...

– Здесь три комнаты, каждому по одной. Если уж на то пошло, то нам даже не обязательно ни видаться вне тренировок, ни нравиться друг другу.

Все четко и ясно. Я соглашаюсь и спрашиваю, займет ли блеклая копия Тора соседний номер, и это вызывает у него очередную торжествующую ухмылку.

– Нет. Томас останется здесь, с нами.

Я вопрошающе поднимаю бровь, на что он отвечает:

– Угадай.

Поверить не могу.

– Тито?

Он лишь шире улыбается, будто смеясь над какой-то беззвучной шуткой. Я не особо понимаю его логику. Это рискованно – занимать соседний с ним номер. Он слишком близко, близко настолько, что одной ошибки с нашей стороны будет достаточно, чтобы он разгадал наш обман. Не знаю, о чем он думает, но, на мой взгляд, у него слишком извращенный мозг. На сегодня с меня хватит.

– Левий.

Он поднимает на меня взгляд, весь внимание. Я крайне серьезным голосом говорю:

– В следующий раз, когда ты решишь действовать у меня за спиной, мой локоть прилетит тебе в лицо.

Молчание с его стороны тяжело, холодно и опасно. Я сверлю его взглядом, давая понять, что не шучу. Что я ненавижу, когда меня водят за нос. Что я ему не сотрудник, а союзник. Или я буду ему ровней, или не буду никем.

Поскольку я не нуждаюсь в его ответе, я беру чемодан и начинаю подниматься по винтовой лестнице в поисках комнаты. Ровно тогда, когда я уже почти исчезаю в коридоре, от стен эхом отражается его ровный голос:

– Раз уж мы заговорили об угрозах...

Я оборачиваюсь и замечаю взгляд его яростных глаз, направленных на меня с пугающим спокойствием. Ледяным тоном он говорит:

– Больше никогда не хватай меня так, как тогда в лифте.

Тишина. Он что, думает, что я Томас? Что я стану подчиняться ему и все сносить только лишь потому, что он мне платит? Потому что если так, то, пожалуй, велик риск того, что его ожидает неприятное удивление. Я улыбаюсь ему и продолжаю шагать, перед этим бросив за спину:

– Будет зависеть от твоего поведения, Левий Иванович.

* * *

Номер просто невероятен.

У меня высокая и огромная кровать с матрасом настолько мягким, что я каждое утро переживаю, что не смогу с нее встать. Комната Левия располагается на первом этаже, рядом с большой ванной комнатой. В ней даже есть джакузи и тропический душ.

Я испытываю просто невероятный восторг, пусть даже мысль об очередном путешествии и вселяет в меня некоторую тоску. Хотя я попадаю во множество приключений и проживаю в роскошных местах, я жалею об отсутствии нормальной жизни. У меня нет своей мебели, специально выбранного постельного белья, комнатных растений... Мне бы хотелось развесить на стенах картины, любимые фотографии, но это невозможно.

Такое чувство, будто у меня нет ничего. И это изнурительно.

Ни разу, зайдя в номер, я не столкнулась с Левием. Сходя в душ, я усаживаюсь на диване, держа в руке бокал с вином, и закидываю ноги на стол. Как по мне, покой длится недостаточно долго.

– Ни в чем себе не отказываешь?

Я не поднимаю глаз, узнавая грубый акцент заявившегося без приглашения Томаса. Он, как обычно, хмурит брови и снисходительно смотрит на меня. Не нужно быть гением, чтобы понять: он мнит себя лучше всех остальных. В иных обстоятельствах мы могли бы с ним подружиться.

– Нашла в холодильнике, – говорю я, чокаясь в воздухе.

– Сейчас полдень.

– Где-то в мире стопроцентно найдется место, где сейчас шесть вечера.

Он замирает напротив, прожигая меня взглядом голубых глаз. У него, мягко говоря, нестандартное лицо. Он по-своему красив, но по большей части пугает. Он сообщает, что Левий ждет меня в вестибюле отеля. Я спрашиваю зачем.

– Работать. За это ведь тебе и платят, нет? Завтра начинается турнир.

Я залпом допиваю остатки белого вина и, водрузив бокал на журнальный столик, встаю на ноги. Я оставляю свой пиджак, устав от изнуряющего пустынного зноя, и следом за Томасом выхожу из номера. Я спрашиваю, почему он решил заселиться вместе с нами.

– Чтобы знать о каждом твоём шаге.

Ну все, с меня хватит. Потеряв терпение, я поворачиваюсь к нему и скрещиваю на груди руки.

– Какие у тебя ко мне претензии?

Не теряя ни секунды, он холодно и сухо, словно ждал этого момента с самого утра, отвечает:

– Ты продажная, капризная, вспыльчивая, эгоистичная и лживая манипуляторша – я знаю это, потому что и сам такой.

Вау. Он думал, что заденет меня, выплюнув все эти чудесные прилагательные мне в лицо? Подумать только: он знает меня всего двадцать четыре часа! А ведь бедняга еще ничего такого даже не видел. Я весело и благодарно ему улыбаюсь.

– Bravo, за один день ты понял меня лучше, чем мой бывший психотерапевт за шесть лет. К чему ты клонишь?

– Левий мне словно брат, которого у меня никогда не было, – признается он, когда двери лифта открываются на первом этаже. – Я люблю его, но вкусы в женщинах у него весьма сомнительные. Иными словами, он придурок. Но сейчас в его жизни неподходящее время для того, чтобы искать себе новый способ саморазрушения.

Я указываю пальцем в грудь, словно спрашивая: «Это кто это? Я?» Но он в лучших своих традициях меня игнорирует.

– Так что, если твоя цель – обобрать какого-нибудь простака, ищи себе кого-нибудь другого.

Миленько. Я ничего ему не отвечаю, потому что совершенно плевать, что он там обо мне думает, и подхожу к стоящему около входа Левию. Томас же куда-то исчезает, вероятно, в темный уголок, в котором он сможет излить всю свою ненависть к жизни в личный дневник.

Готова поспорить, он был из тех эмо-подростков, что в 2010 году писали депрессивные стихи на Тамблере. У меня фобия на таких.

– Куда он делся? – спрашиваю я у Левия, взгляд которого прикован к моей левой руке.

И тем не менее он не накрывает ее своей. Вместо этого он делает вид, что касается своими пальцами моей спины, увлекая за собой, хотя на самом деле он никогда не прикасается ко мне по-настоящему.

– У Томаса другие дела, – отвечает он, прежде чем сменить тему: – Полагаю, отсутствие кольца будет проблемой.

Да, это действительно может вызвать некоторые вопросы. Но если мы купим обручальные кольца, то шутка пойдет слишком далеко. Я приспускаю свои солнцезащитные очки на нос и все же говорю ему:

– Если уж на то пошло, я предпочитаю бриллианты.

– Приму к сведению.

Мы проходим через зал, огибая стоящую в центре римскую статую. Я чуть не задыхаюсь, когда снаружи на нас обрушивается волна обжигающего зноя. Я очень люблю солнце: я итальянка, а потому привыкла к нему. Но это нечто совершенно иное. Воздух настолько горячий и сухой, что почти невозможно дышать.

Левий подводит нас к бассейну – которых здесь, к слову, шесть, – и я присвистываю от восхищения при виде этой красоты. Он оформлен в самом настоящем античном стиле, с колоннами, статуями и скульптурами, вдохновленными греко-римской империей.

Я с завистью разглядываю купол и его каскадом стекающие струи воды. Мне невыносимо хочется нырнуть в воду. Уверена, в ней очень свежо. Я мысленно отмечаю, что мне как можно быстрее нужно будет приобрести купальник.

– Кстати. Как ты меня тогда назвал?

Левий непонимающе смотрит на меня, занимая несколько шезлонгов. Он снимает обувь и носки, обнажая тонкие, изящные лодыжки. Не знаю, по какой причине и как это объяснить, но кажется, что он очень о себе заботится.

Это горячо.

– Там, под объективами, ты как-то меня назвал. Полагаю, на русском.

– А. *Lyubimaya*? Это значит «любовь моя».

Я запрещаю себе как-либо на это реагировать, но вопреки моей воле по коже пробегают мурашки. Звучит красиво. И очень естественно из его уст. Глупо, но я вспоминаю о словах, что сказал в лифте Томас. «Я люблю его, но вкусы в женщинах у него весьма сомнительные».

И все же мне не кажется, что за этим кроется какой-то больший интерес. Левий как будто бы из тех людей, что глубоко одержимы соперничеством и, следовательно, эмоционально недоступны. На первый взгляд он кажется самым настоящим джентльменом, но я не могу представить, чтобы он заботился о женщине – или даже о мужчине.

– Тогда как мне называть тебя? Этим же словом?

Он наклоняется к небольшому деревянному столику, стоящему между нашими шезлонгами, и достает из кармана колоду карт.

– «Левий» будет в самый раз.

Как я и говорила – никакого интереса.

– Мы здесь, чтобы работать, – напоминает он мне.

– И я крайне серьезно отношусь к своей роли. И коли уж я безумно в тебя влюблена, я не стану называть тебя «Левий», как делает все остальное население Земли. Это отстойно и банально. А вот если я стану использовать какое-нибудь русское ласковое прозвище, получится очень душевно. Доказательство того, что я интересуюсь культурой своего возлюбленного.

Наконец он поднимает на меня глаза, явно не впечатленный моей речью, но ничего не говорит. Я довольствуюсь тем, что смотрю на него в ответ, давая понять, что предельно серьезна. Я и сама не знаю, что за игру веду, и, скорее всего, в процессе обожгусь, но, как и всегда, меня это не останавливает. Потому что, по всей видимости, когда мне становится скучно, я начинаю флиртовать, причем исключительно с теми, кого ненавижу или кому завидую.

Он раздает карты, а затем тихо говорит:

– *Lyubimu*. То же самое, только для мужчин.

Я закрываю глаза и снова и снова повторяю это слово, стараясь как можно больше к нему привыкнуть. После шестого раза я замечаю на себе взгляд Левия. Выражение его лица все столь же непроницаемо, но во взгляде что-то изменилось. Я поднимаю бровь. Он в ту же секунду отводит глаза, словно бы мне это привиделось.

– За работу.

Глава 6. Май. Лас-Вегас, США. ЛЕВИЙ

Вторую половину дня Роза проводит за тем, что объясняет мне, как считать карты и выводить вероятности. Разумеется, я в этом не новичок: подсчет аутов – базовый навык игрока в покер. Но, должен признать, я никогда особо на него не полагался. Я всегда считал, что это одновременно и слишком сложно, и по сути своей является пустой тратой времени.

– Всегда помни о том, что это не непогрешимая наука, – напоминает она, тасуя у бассейна карты. – Никогда нельзя знать руку оппонентов наверняка.

– Я не идиот, Роза. Просто объясняй.

Так она и поступает, да и еще, должен признать, очень толково. Словно прямо на моих глазах она становится совершенно другим человеком. Она кажется... увлеченной этой темой. И ей это очень идет. Гораздо больше, чем этот ее нелепый и банальный флирт.

– Начнем с «Правила умножения на четыре и два», – говорит она, раздавая нам карты. – Оно используется только на стадиях *флопа* и *ривера*⁵. На *флопе*, чтобы рассчитать свою долю, ты умножаешь количество аутов на четыре. На *ривере* – на два.

Мне никогда особо не давалась математика, но я довольно быстро улавливаю, о чем она говорит. Вопреки мнению множества людей подсчет карт помогает нам не угадать, какие попадутся карты, а подсчитать вероятности.

– Значит, если на стадии флопа у меня двенадцать возможных аутов, я умножаю их на четыре? – резюмирую я, чтобы удостовериться. – И у меня получается... сорок шесть процентов вероятности того, что выпадут хорошие карты и я соберу свою руку.

– Скорее сорок восемь. А в случае если двенадцать аутов осталось на терне, то процентов получается двадцать четыре.

Основную идею понять не *очень* сложно. Однако чем больше партий мы проводим, тем сложнее оказывается применять ее на практике. Покер – игра прежде всего азартная, а потому играть с учетом вероятностей оказывается очень непросто. Даже у Розы, которая, судя по всему, в этом профи, не получается выигрывать каждый раз. Суть в том, чтобы понять, когда нужно продолжить, а когда лучше спасовать.

Завтра первый день турнира. Этот день не станет решающим, но он все равно важен. Он – это первое впечатление, что мы произведем на весь остальной мир.

Более того, я играю не один. Томас тоже там будет, за одним из столов. Кто знает, быть может, нам доведется сыграть друг против друга. Роза тоже будет присутствовать, хоть и под прикрытием.

– Ты так и не объяснил, каким образом я проникну в турнирные залы, – как раз говорит она.

Я лукаво полуулыбаюсь ей, и этого достаточно, чтобы она подозрительно прищурилась. Она начинает все лучше меня понимать. Это хорошо.

– Ты будешь там не в качестве Розы. Ты известна людям в качестве моей невесты, и поэтому тебе придется стать кем-то другим.

– В смысле?

– В какой-то день ты будешь журналисткой. В другой – массажисткой. В третий – официанткой. В общем, кем угодно, кто сможет войти в зал и свободно по нему перемещаться. Все, что тебе нужно, – это любой ценой избегать зрительного контакта.

– И как же ты планируешь это сделать?

– Я знаю парочку людей.

Тишина. Роза неглупа.

⁵ *Ривер* – это пятая и последняя карта, которую переворачивают после терна, и третий круг ставок.

– Иными словами, ты их подкупил?

– Именно. Твоя задача – наблюдать за игроками, в особенности за теми, с кем мне придется встретиться, и в каждом перерыве мне отчитываться. Разумеется, главная твоя цель по-прежнему в том, чтобы сосредоточиться на Тито.

В ответ она просто кивает.

Вскоре после ужина мы возвращаемся в номер. Я прикрываюсь тем, что мне нужно лечь спать пораньше, чтобы завтра быть в форме, и говорю ей пользоваться мини-баром и обслуживанием номера на свое усмотрение.

После хорошего душа я уединяюсь в своей комнате и снова и снова тренируюсь. Из-за ужасной головной боли мне приходится выключить верхний свет и воспользоваться прикроватной лампой. Глаза болят больше обычного, и причиной тому, вероятно, усталость из-за смены часовых поясов. Такое происходит чаще, чем хотелось бы признавать.

Ввиду своей инвалидности я также страдаю и от светобоязни, то есть невероятно сильной чувствительности к свету. Поэтому во время игры в покер я почти всегда сижу в солнцезащитных очках. Люди думают, что я делаю это, чтобы блефовать, а то и просто ради выпендрежа, но правда далеко не столь гламурна.

Без них я просто не смог бы продержаться за столом десять часов.

* * *

На следующее утро я застаю Розу в гостиной совершенно преображенной. На ней парик с длинными вьющимися волосами, облегающий костюм и очки-бабочки без диоптрий. Единственное, по чему я ее узнаю, – это убийственный взгляд.

Вне всяких сомнений, это действительно она.

– *Uffa*⁶. Ненавижу желтый, – бормочет она.

А, так костюм желтый. Понятно. Я подавляю желание спросить, почему он ей не нравится. Разве желтый не цвет солнца? А солнце ведь прекрасно, нет? Почему она ненавидит цвет солнца? Странно.

– Это всего на пару часов, – подбадриваю ее я. – Ты справишься.

В этот самый момент появляется Томас, одетый в свой привычный серый костюм. Его светлые волосы касаются плеч. Увидев его, Роза одобрительно присвистывает.

– Вау... сам бог грома во плоти! А где Мьельнир⁷?

Он не реагирует и что-то ей протягивает.

– Вот твой пропуск.

Она берет его в руки, любопытствуя, переворачивает, а затем кривится.

– Маргарет Фишер? Серьезно? Как банально...

У меня не получается сдержать усмешку, расплзающуюся на губах. Она исчезает в ту же секунду, когда я замечаю на себе взгляд Томаса. В следующее же мгновение я беру себя в руки.

– Готовы? Поехали.

Я ужасно скучал по атмосфере турнира.

По этой эйфории, по ощущению адреналина каждой клеточкой моего тела, по шуму разговоров и выражениям лиц, столь же возбужденным, сколь и встревоженным... Едва зайдя в назначенный мне зал, я надеваю на себя маску.

Я больше не Левий, я Левий Иванович. Сын знаменитого Иакова.

⁶ Фу (*итал.*).

⁷ Мьельнир – имя молота Тора, бога грома из скандинавской мифологии; в фильмах этого персонажа сыграл Крис Хемсворт.

Я безмятежно сажусь за первый столик и замечаю несколько знакомых лиц – завсегдатаев WSOP, но есть там и два новых, еще неизвестных мне. Я достаю фишки и занимаю свое место, делая вид, что не обращаю на них внимания.

Игра начинается спокойно. Ничего суперзахватывающего. Игроки, сидящие за моим столиком, не кажутся шибко смекалистыми, но меня это не удивляет. На турнире со вступительным взносом в десять тысяч долларов не стоит ждать от них многого. Меня это не смущает. Даже наоборот: так я совершу меньше крупных ошибок.

Я не знаю, где сейчас Томас, но меня это не заботит. Розы меж тем тоже нигде не видно. Я стараюсь не отвлекаться и продолжаю играть. Самый оригинальный за этим столом оппонент всеми силами избегает моего взгляда и постоянно поигрывает с воротником своей футболки, словно ребенок поднося ее ко рту. Я дважды пасую, в основном для того, чтобы проанализировать его игру и реакции. Едва ли он умеет блефовать: он очень быстро совершает чек. Сражаться за банк он тоже, кажется, не собирается. Я это отмечаю.

Через час, как раз когда я собираюсь повысить ставку одного из игроков, я напрягаюсь. Роза стоит где-то за моей спиной, я чувствую это, я это знаю. Я не вижу ее, но запах, вдруг зашекотавший мне ноздри, слишком очевиден. Она каждый день носит этот парфюм, столь сильный, что он пропитал даже топ, что она оставила на полу ванной сегодня утром.

Как ни в чем не бывало я продолжаю играть, краем глаза замечая, что она проходит мимо меня. Никто не обращает на нее внимания. Она бродит между столами, но всегда возвращается поближе к моему, не сводя глаз с нашей игры.

Потихоньку игроки начинают менять места. Меня и самого зовут перейти за другой стол, что равнозначно переходу на новый уровень. Я выигрываю чаще, чем проигрываю, и хоть это и не удивительно, но все равно приятно.

– Так-так-так! – восклицает мелодичный голос, когда я сажусь за новый столик. –

好久不⁸

Я поднимаю пустой взгляд на Ли Мей, постоянную участницу турниров. Если верить СМИ, эта двадцатичетырехлетняя девушка – типичная дочка богатого папочки, у которой денег так много, что она не знает, что с ними делать.

Поэтому она тратит их на роскошные отели, дизайнерскую одежду и турниры по покеру, в котором оказалась на удивление хороша. В придачу к этому она ярая фанатка одной певицы, чье имя я не помню, и большую часть речи цитирует слова из ее песен. Большинство считает общение с ней утомительным, но мне ее характер нравится.

Разумеется, прилюдно я этого не показываю.

– Видела на Weibo⁹, что ты только что вернулся из Китая, – говорит она, когда я наконец усаживаюсь. – Надо было сказать мне, мы совсем ненамного разминулись!

Ли Мей родилась в Шанхае. Я разглядываю ее идеальную кожу, смеющиеся глаза и бело-снежный, словно снег, маллет. На ней топ с длинными рукавами, закрывающий шею и плечи, но невероятно короткая юбка клеш. Должен признать, она настоящая красавица.

– Насколько мне известно, мы с тобой не друзья.

Она не тушует, уже привыкшая к моей холодности, и делает грустную мордашку, что не затрагивает ее глаз.

⁸ «Давно не виделись» на мандаринском.

⁹ Китайская социальная сеть, основанная на микроблогинге вроде Twitter.

哎

– Можешь не сомневаться, сегодня ночью я поплачу об этом в своей кровати.

Мы играем еще добрых два часа. Должен признать, с каждым годом Ли Мей становится все лучше и лучше. В отличие от остальных пассивных игроков она не стесняется атаковать более агрессивно. Это мне и нравится в стиле ее игры.

Она бросает настоящий вызов там, где остальные, как, например, мужчина справа от меня, не слишком готовы сражаться. Единственный ее минус в том, что она делает смехотворно высокие ставки, словно показывая, что у нее есть на это деньги.

– Мои поздравления тебе и твоей невесте, – весело говорит она, когда начинается перерыв. – Какой будет свадебная тематика? Умоляю, только не на открытом воздухе.

– Забавно. Говоришь так, будто тебя кто-то пригласит.

Она присвистывает, скрещивая руки.

– Просто хочу убедиться, что бедную девушку не заставляют выходить за тебя силой. Впрочем, она кажется вполне здравомыслящей. Разумеется, это меня интригует.

– Обещаю, она делает это более чем добровольно, – холодно отвечаю я.

– С твоим-то лицом, так уж и быть, верю. Я подумывала пригласить вас на ужин, но Тейлор Свифт говорит мне, что это будет уже чересчур...

Несколько растерявшись, я поднимаю бровь.

– Вы с ней дружите?

– Если бы! Нет, так зовут мой внутренний голос.

Понятно. Совершенно нормальное явление.

– Раз так, то Тейлор Свифт права. Пока.

Ли Мей не пытается меня остановить, и я выхожу на улицу, одну руку сунув в карман брюк с высокой посадкой, а другой крепко обхватив сумку. Вот всегда ей нужно делать это у всех на виду – надоедать и приставать. Я не иду следом за остальными игроками и вместо этого уединяюсь в уголке, возле бассейна, в тени греческого интерьера.

В ожидании я мысленно анализирую все произошедшее. До сих пор все шло по плану. Сидя за первым столиком, я особенно отметил одного из игроков, никому тем не менее неизвестного. Он почти не двигался и все свое внимание сосредотачивал на воткнутых в уши наушниках. Скорее всего, он профи и, учитывая внешность, профи весьма умелый – знаю, что это глупо, но все же внешность человека говорит о многом.

Наконец объявляется Роза, уже без очков и парика. До того, как сесть рядом, она с обворожительной улыбкой на губах проводит пальцами по моей руке:

– Здравствуй, *lyubimyy*. Как прошло твое первое утро? Удалось завести друзей?

Против воли меня пробирает дрожь. Было большой ошибкой позволить ей так меня называть. Теперь, понимая, как это на меня влияет, я ужасно сожалею об этом решении. Я игнорирую ее актерскую игру и спрашиваю, что ей удалось выяснить за время первого раунда. Как по мне, перерывы здесь недостаточно длинные, а потому затягивать не стоит.

– Та красотка, что постоянно с тобой флиртовала, – говорит она, вновь принимая серьезный вид.

– Ли Мей Цянь.

– Она не умеет скрывать свои эмоции. Каждый раз, когда ей выпадает хорошая рука, во внешних уголках ее глаз появляются морщинки. Еще она чуть приоткрывает рот, как бы слегка улыбаясь.

Заинтригованный, я хмурюсь.

¹⁰ «Ай» на мандаринском.

– Я крайне внимательно наблюдаю за всеми игроками, но ни разу не видел, чтобы кто-то из них улыбался при виде своих карт.

– Именно поэтому это и называется микровыражением, – сухо отвечает она, раздраженная тем, что я подвергаю сомнению проведенный ею анализ. – Оно длится всего полсекунды. Зачастую сразу после люди возвращают себе нейтральное выражение лица, поэтому эти изменения трудно заметить.

Она права. Я медленно киваю, впечатленный, и спрашиваю, что еще она может сказать.

– Парень с первого стола, что сидел по левую руку от тебя: он считает себя сильнее всех остальных. Он очень в себе уверен: это видно по тому, как он сцепляет руки в замок за головой, как откидывается на стуле и вытягивает ноги под столом. А еще он всех вас презирает, и тебя в особенности.

Это я знал и сам: в прошлом году он проиграл мне в полуфинале, но мне любопытно узнать, что об этом думает Роза.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Его внимание целиком и полностью было приковано к тебе. Презрение – это единственное асимметричное микровыражение, при котором движется лишь одна какая-то часть лица. В его случае можно заметить, как слабо подергивается правый уголок его губ.

– Из чего я делаю вывод, что он не представляет большой угрозы.

Она с серьезным видом на меня смотрит.

– Наоборот. Сила презрения обратно пропорциональна силе сокращения: так, если сокращение слабое (то есть происходит попытка его скрыть), значит, презрение довольно велико. Думаю, он сильный игрок и при этом имеет на тебя зуб, хоть я и не понимаю причины. Но он слишком почивает на лаврах и забывает обращать внимание на остальных игроков.

– То есть?

Она задумывается, глядя куда-то вдаль. По ее виску стекает бусинка пота.

– Я бы описала его игру как «тайтово-пассивную»: если он входит в банк, значит, у него хорошие карты. Но при этом он не делает больших ставок. Он повышает лишь тогда, когда уверен, что его карты – выигрышные, и потому подобная стратегия слишком предсказуема. Он вот-вот облагается.

Я был прав: нанять Розу было подарком судьбы. В глубине души я улыбаюсь и довольно бормочу:

– Очень неплохо, Альфьери.

Она сообщает, что ни один из игроков, с которыми я уже встретился, не кажется ей достаточно хорошим, за исключением того парня в футболке с «Парком Юрского периода», о котором я думал чуть ранее. Как и мне, ей сложно его прочесть.

Я спрашиваю, видела ли она Тито, но она качает головой.

– Да и Томаса тоже, раз уж на то пошло. Думаю, они в другом зале.

Я рассеянно киваю. Затем, бросив взгляд на часы, встаю. Роза делает то же, обмахивая лицо рукой. Здесь жарко, как в аду, даже ранним утром, в отличие от прохлады гостиничных номеров, оснащенных кондиционерами. Я каждый год умудряюсь заболеть.

Я напоминаю ей пить побольше воды, а затем, заметив краем глаза парочку наблюдающих за нами игроков, шепотом добавляю:

– Пора возвращаться.

Я скрываю ее растерянное выражение лица легким поцелуем в щеку и исчезаю, лишая себя удовольствия понаблюдать за ее реакцией.

Первый день длится десять часов, и это подобно сладкой пытке. Вторую половину дня я провожу с солнцезащитными очками на носу и шумоподавляющими наушниками на голове. Я теряю счет времени. Этим и опасны подобные места: в них можно пробыть несколько дней, ни разу не выйдя на улицу.

Вечером я нахожу Розу в нашем номере, растянувшуюся на диване и босоногую, с валяющимся на полу париком. Я замечаю пятна, скорее всего красные, на ее пятках и пот на прилипшей ко лбу челке. Ее становится немного жаль.

– Все хорошо?

Она не отвечает, рукой закрывая глаза. Я ухажу за бутылкой холодной воды и осторожно ставлю ее рядом с ней. Она хорошо поработала.

– Это очень непросто. Вот почему важно рано ложиться спать и пить много воды в течение дня, – советую я ей, на что в ответ получаю ворчание.

Я принимаю душ, а затем возвращается Томас и рассказывает о том, как прошел его первый день. Он подтверждает, что видел Тито, но еще не играл с ним. Они играют в зале Amazon, а я – в зале Pavilion, и это все объясняет.

Я рассказываю ему о собственных столкновениях, а затем – о кратких отчетах Розы. К моменту, когда я возвращаюсь обратно в гостиную, бутылка, которую я дал своей фальшивой невесте, уже пуста. Сама она стоит у телевизора, уперев в бедро руку, и пристально разглядывает одно из полотен, висящих на стенах.

Я довольно долго наблюдаю за ней, а затем подхожу ближе. Картина, оказавшаяся напротив нас, мне непонятна, ибо состоит из мешанины цветов, которые я неспособен увидеть, и рисунков, напоминающих каракули трехлетнего ребенка.

– Тебе нравится?

– Это Жоан Миро, – говорит она в ответ. – Каталонский художник-сюрреалист. Мне не просто нравится, я обожаю его.

Я не ожидал услышать подобный ответ. Кажется, она в этом разбирается. Видимо, искусство – это ее страсть. Эта мысль одновременно и нравится мне, и раздражает. Лишь на одно мгновение я чувствую просто смертельную зависть. Ненавижу ее за то, что она способна оценить искусство и его краски, а я – нет.

– Тебе нравится искусство? – спрашивает она меня.

Не в силах подавить сухость своего тона, я отвечаю:

– Нет. Пошли, сегодня поужинаем в городе.

Этого оказывается достаточно, чтобы привлечь ее внимание. Она смотрит на меня и, хищно улыбнувшись, говорит:

– Хорошо, но за рулем буду я.

Я соглашаюсь, умалчивая то, что мне в любом случае нельзя водить машину. Она уходит в душ, а затем быстро надевает маленькое черное платье с открытой спиной и туфли «Лабутен».

Она почти ничего не сделала, и тем не менее вот она – невероятно соблазнительная, одетая во все черное, словно жена дьявола. Полагаю, выбор весьма символический.

В лифте, на котором мы спускаемся вниз, я спрашиваю, чего она хочет поесть. Она долго выбирает между французской и индийской кухней, и потому я замечаю Тито гораздо раньше, чем она.

Я замираю рядом с ней, украдкой обвивая рукой ее талию. Она останавливается на полуслове, поднимая на меня взгляд темных, удивленных глаз, но я расплываюсь в полной нежности улыбке.

Той же, что дарил моей матери отец. Очень, очень давно.

– Одно твое слово, и я все куплю.

Кажется, она понимает, что за нами подсматривают. Я беру ее за руку и легонько целую костяшки пальцев. Она вздрагивает и улыбается мне в ответ, второй рукой касаясь моей груди рядом с сердцем. Боже, а она может быстро реагировать, когда хочет.

– Это моя любимая фраза...

В этот момент он решает нас прервать:

– Так, значит, вот та женщина, что сумела вскружить голову великому Левию Ивановичу...

Мы резко оборачиваемся, изображая удивление. Тито с расчетливой улыбкой на губах смотрит на нас. Он один. С моего лица исчезает это приторное выражение, и я вежливо с ним здороваюсь, но его, судя по всему, гораздо больше интересует Роза.

– Меня зовут Тито Ферраньи. Рад знакомству.

– Роза Альфьери.

Ее голос просто ледяной. Она ясно дает ему понять, что не желает вести с ним разговор. Где-то в глубине души я довольно улыбаюсь, обещая себе заплатить за все, что она захочет сегодня заказать.

Тито как будто бы этого не понимает и с фальшивым энтузиазмом восклицает:

– О, итальянка, значит! *È un piacere conoscerti*¹¹. Ты откуда?

Я не знаю ни слова по-итальянски и потому оборачиваюсь к Розе, которая, задрвав подбородок, отвечает:

– *Io no*¹². Я родилась во Флоренции.

Не знаю, что она ему сказала, но ему это, кажется, не особо понравилось.

– *Non importa*¹³, – твердо говорит он. – В любом случае, изрядно удивлен. Левий и женитьба... Весьма неожиданно. Да еще так внезапно! Как будто бы даже и не верится.

Разумеется, я и не думал, что он так легко на это купится. Тито не дурак, он догадывается, что я не влюблен в эту женщину. Мы разыгрываем этот спектакль как раз для того, чтобы убедить его в обратном. Вот почему я еще крепче обхватываю Розу за талию и, словно защищая ее, спокойно отвечаю:

– А теперь нам пора.

Я уже собираюсь уходить, как вдруг он добавляет:

– Думаю, наш дорогой Иаков этого бы не одобрил.

Я замираю на месте, и по всему телу пробегает озноб. Роза наблюдает за мной, осознавая, какие эмоции во мне вызвали его слова. В моих жилах закипает кровь, и я чертовски медленно, с убийственным взглядом поворачиваюсь к нему.

Как он посмел в такой момент упомянуть моего отца? Как он посмел произнести его имя после всего, что сделал? После всех своих интриг и, хуже, – после того, как плюнул на него после его смерти?

Нежная ладонь Розы ложится на мою руку, не давая сорваться. Она еще не знает, что взрываться – это не в моем стиле. Мной гнев не горячий и взрывной, как у нее или у Томаса. Он холодный и смертоносный. Молчаливый. Терпеливый. Спокойный, словно водная гладь.

Я вновь улыбаюсь Тито, но в этой улыбке нет ничего дружелюбного, и мы оба это знаем.

– И от этого я лишь больше ее люблю.

С этими словами я беру Розу за руку и снова веду ее к входной двери. Она уверенно идет рядом и бросает за спину:

– *Arrivederci, perdente!*¹⁴

Мне не нужно знать итальянский, чтобы понимать, что она сказала. Я весело улыбаюсь, пока мы, держась за руки, спускаемся по лестнице. Я выпускаю ее ладонь, как только мы скрываемся из поля его зрения, и я, пряча трясущиеся пальцы в карманы брюк, бросаю ей ключи от машины.

¹¹ Рад знакомству (*итал.*).

¹² А я – нет (*итал.*).

¹³ Пусть так (*итал.*).

¹⁴ До встречи, неудачник! (*итал.*)

– Начинаю понимать, почему ты терпеть его не можешь, – замечает она, подхватывая их на лету. – Но кое-чего я все же не понимаю. За что ты так его невзлюбил, за исключением того факта, что он высокомерный ублюдок?

С серьезным выражением лица я сажусь на пассажирское сиденье. Я вновь думаю о Тито, о своем отце, о матери... и вдруг все мое хорошее настроение испаряется, словно снег на солнце.

– Он разрушил мою жизнь.

Глава 7. Май. Лас-Вегас, США. РОЗА

Сегодня я массажистка.

Если бы я знала, к чему меня обяжет соглашение на предложение Левия, я бы подумала дважды. Или, по крайней мере, попробовала бы обсудить вопрос зарплаты. Потому что предлагаемые усилия стоят больших денег, чем я получаю сейчас.

Едва сдерживаясь, чтобы не скривиться, я прячу свое отвращение, делая массаж одному из игроков за столом Левия. Сам он не обращает на меня внимания, хотя я уверена, что он злорадствует при мысли о моем дискомфорте. Из-за жары оставаться в моем коротком парике просто невыносимо тяжело.

– Левее, – говорит мужчина, которому я делаю массаж, и я слишком поздно понимаю, что он обращается ко мне. – Это твой первый раз, что ли?

Я с ледяным выражением лица сжимаю зубы. Уверена, он слышал этот вопрос уже множество раз, но по другим поводам...

– Как частенько говорили твои бывшие... – бормочу я себе под нос, надавливая на его плечи.

– Что?

Я улыбаюсь и балаболю по-итальянски, чтобы он подумал, что я не понимаю его слов, и он быстро отвлекается на что-то еще. Левий все так же невозмутим, но я успеваю заметить, как вздрагивает его щека – доказательство того, что он меня слушает.

Придурок.

«Он разрушил мою жизнь». Я со вчерашнего дня снова и снова об этом думаю. Я знала, что это было не просто соперничество двух игроков, но и не думала, что Тито зайдет настолько далеко. Если упомянутый Иаков был отцом Левия, то очевидно, что эти мужчины знали друг друга, а то и приятельствовали. Что могло произойти такого, что Левий пошел на такие крайности?

Я попробовала расколоть его в машине, но он больше не сказал мне ни слова. Он сводил меня на ужин в шикарный ресторан, но весь вечер молчал. Я узнала парочку игроков, мужчин и женщин, которые пришли сюда со своими партнерами и смотрели на меня жалостливым взглядом. Как будто я была будущей женой мужа, которому была совершенно безразлична.

По какой-то необъяснимой причине это раздражало меня сильнее нужного. Вот почему я решила, что настала моя очередь вступить в игру. Раз уж у меня есть жених, неважно, фальшивый он или нет, быть такого не может, чтобы он не был от меня без ума.

Никогда еще мужчина не приглашал меня на ужин, чтобы затем весь вечер игнорировать. В Италии так не поступают. И Левий Иванович станет исключением лишь на исключительно короткое время.

Сегодня на нем снова винтажные солнцезащитные очки. Он не сводит глаз со своих сидящих за тем же столом соперников, но я чувствую, что его внимание сосредоточено в другом месте. Еще утром я сразу же заметила в комнате Тито. Томас тоже здесь, хоть его и менее заметно. Напряженная атмосфера одновременно и вызывает у меня восторг, и заставляет нервничать. И тем не менее ни разу эти двое мужчин друг с другом не пересекались.

Весь обеденный перерыв я тренирую Левия в нашем общем номере. Вместе с нами сидит и Томас. Он ничего не говорит, но внимательно наблюдает и слушает, жуя свой салат. Не понимаю, почему Левий не против его присутствия: ведь Томас, друг он или нет, все равно остается его соперником. Но пускай.

– Могу я задать тебе вопрос? – вдруг спрашивает у меня Левий.

Меня настораживает его любопытный взгляд, но я все же киваю. Он наклоняет голову набок, пока я тасую карты.

– Если тебе так нужны деньги, то почему бы не поучаствовать в турнире?

Томас тоже на меня смотрит, показывая, что также задается этим вопросом. В этом и правда нет никакого смысла. Я могла бы зарегистрироваться и попытаться выиграть главный приз.

Единственная проблема в том, что я в себя не верю. Мне и так тяжело весь день напролет наматывать круги вокруг столов, не играя. При виде фишек мои руки трясутся сильнее, чем мне бы того хотелось. Если бы я приняла участие... я бы точно снова подседа.

Но я не могу сказать ему об этом и потому вру:

– Слишком муторно.

Кажется, его это не убеждает. Пусть лучше он считает меня капризной лентяйкой, нежели слабачкой. Он пристально смотрит на меня и говорит:

– Роза, у тебя настоящий дар. Я долгие годы, дни напролет пахал как проклятый, чтобы достичь такого уровня. Но ты... твоя способность дана тебе с рождения. В том, что ты ею не пользуешься, нет никакого смысла.

Нет, это не так. Я ждала, что однажды он задаст мне этот вопрос, но у меня нет готового ответа. Поэтому я пожимаю плечами и делаю то, что у меня получается лучше всего, – меняю тему разговора.

– Ты разве не чувствуешь угрозу?

Это его удивляет.

– Угрозу со стороны чего?

– Со стороны моего таланта.

Его это, кажется, забавляет, чего я совсем не ожидала. Томас раздраженно трясет головой, игнорируя наш разговор.

– И почему же я должен чувствовать угрозу?

– Потому что я лучше тебя. Многие воспользовались бы этим, чтобы подавить мои способности... но не ты.

Я не собиралась этим с ним делиться. Оно само как-то вырвалось. Увидев Левия впервые, я подумала, что он из тех мужчин, которых я презираю: богатых и высокомерных, жаждущих власти и обладающих непомерным эго.

Однако с ним все иначе. Он попросил моей помощи. Признал свои слабости. Он никогда не пытается меня подчинить или доказать, что он лучше. Я не привыкла к такому поведению. Это выбивает меня из колеи, и я не понимаю, как мне реагировать в ответ.

Его глаза изучают меня – дольше, чем мне бы хотелось, и в конце концов он говорит:

– Только трусы пытаются подавить тех, кто лучше их, вместо того чтобы чему-то научиться у этих людей. Я знаю, что не смогу всегда быть лучше всех. И когда это подтверждается, уж лучше я стану учиться и прикладывать все силы, чтобы таковым стать. Признать это не значит проявить слабость.

Я не знаю, что на это ответить. Мой первый вопрос был лишь эгоцентричной шуткой, призванной отвлечь его, но от его честного ответа по коже бегут мурашки. Хотела бы я, чтобы так думали все...

Похоже, я ошибалась на его счет. Совсем чуть-чуть. Разумеется, это не означает, что теперь он мне нравится.

– Думая, что тебе нечему учиться у других, ты лишь проиграешь, – добавляет он, изящно поднимаясь на ноги. – Я был бы рад посоревноваться с тобой в этом турнире. Очень жаль.

Когда он исчезает в кухне, относя наши тарелки, я вдруг осознаю, что испытываю разочарование, закравшееся в мое сердце.

И правда: очень жаль.

* * *

На этой неделе у Левия два выходных. Первый из них мы проводим, запершись в номере с включенным на полную кондиционером. Он начинает понимать, как применять на практике то, чему я его учу, пусть даже он по-прежнему слишком много думает, что приводит его к ошибкам, присущим новичкам.

Пока я заставляю гостиную своими свежеприобретенными холстами и собственной живописью, которую повсюду таскаю за собой, Левий проводит вечера за разбором игровых привычек своих оппонентов. Он анализирует стиль их игры, то, как кто блефует, и соответствующим образом адаптирует к этому собственную игру. Должна признать, это впечатляет. Пусть он и говорит, что родился без этого таланта, все же он невероятно изобретателен. Но самое главное: он чертовски хитер.

Левий из тех игроков, увидеть которых за своим столом хотели бы только мазохисты. У него лузово-агрессивный стиль игры: он постоянно рискует и часто повышает ставки, словно сумасшедший – и таким бы он и был, будь он любителем. Но его опыт превращает его в опасного соперника. Всякую ситуацию он держит под контролем, движется в нужном ритме на каждой стадии хода и с легкостью может запутать своих оппонентов, их самих читая как открытую книгу.

Мне уже довелось увидеть, как люди держатся от него подальше, словно от чумного, и в этом они правы.

Как-то раз вечером я возвращаюсь из сауны – да, в этом отеле есть своя сауна, – планируя предложить ему поужинать в городе. Из его комнаты доносится включенный на полную катушку хеви-метал. Он что, устроил вечеринку без меня?

– Что происходит? – спрашиваю я у Томаса, который сидит на кухне и в одиночестве ест.

Тот ведет себя так, будто меня не существует. Я не сдаюсь, поскольку терпеть не могу, когда меня игнорируют, но он делает вид, будто слышит какие-то голоса, но саму меня не видит. Я показываю ему средний палец и начинаю издеваться, делая вид, что меня тошнит:

– Очень смешно, Крис. Почти так же смешно, как первый фильм про Тора.

Мне едва удастся уклониться от метко брошенной им ложки. Ну и псих же этот парень. Я подхожу к комнате Левия и, заинтригованная, открываю дверь. Он в одиночестве сидит на полу напротив кровати, сосредоточившись на картах. Он не слышит, как я захожу, даже когда я во весь голос окликаю его по имени. Я выключаю музыку, и это наконец привлекает его внимание.

Он удивленно распахивает глаза, замечая перед собой мои ноги, и снимает с головы наушники.

– О, ты тут.

– Это что за хрень? – спрашиваю я, чувствуя, как горят барабанные перепонки. – И прежде чем ты ответишь, я хочу, чтобы ты знал: я не могу выйти замуж за фаната Мэрилина Мэнсона, даже если это не по-настоящему.

Он наверняка думает, что я шучу, но я предельно серьезна.

– Если честно, я предпочитаю оперу. Моя мама просто обожает Сергея Прокофьева. Знаешь о нем?

Я отрицательно качаю головой, удивляясь его внезапному откровению. Его ностальгический взгляд застает меня врасплох, а сам Левий в это время слабо улыбается и бормочет:

– Это русский композитор и дирижер. В тридцатых годах двадцатого века он сочинил балет по пьесе «Ромео и Джульетта». Всегда хотел сводить на него маму.

– Так почему не сделаешь этого?

Он так долго молчит, что я решаю сменить тему:

– Я думала, тебе не нравится искусство.

Левий пожимает плечами.

– Мне больше нравится то, что можно услышать, чем то, что можно увидеть.

– Понятно. Но зачем ты включил на полную музыку и одновременно надел наушники?

Он с довольным видом улыбается.

– Это мои шумоподавляющие наушники. И они как раз помогают мне не слышать этой музыки. Чтобы я мог сконцентрироваться.

Я несколько растерянно хмурюсь. Как-то это все абсурдно и сюрреалистично.

– Знаешь, с таким же успехом ты можешь и... ну, выключить музыку. Ты что, хочешь, чтобы нас возненавидели соседи?

Он снова спокойно улыбается, и в этот самый момент в моей голове что-то щелкает.

– Аааа!..

Ну как же ему идет быть ублюдком! Должно быть, Тито по ту сторону стены просто с ума сходит от этого шума. Если он намеревался лечь пораньше, чтобы завтра быть в форме, – что ж, не срослось.

– Как думаешь, почему я выбрал эту комнату? – поднимаясь, спрашивает Левий, одетый в одну только футболку и пижамные штаны.

– Значит, твой план заключается в том, чтобы, не давая ему спать, негативно повлиять на его способности? Как коварно, – говорю я, улыбаясь. – Мне нравится.

– Более того: он будет думать, что я всю ночь развлекался. Это заставит его потерять бдительность...

Как и факт нашей помолвки, полагаю.

– А ты тем временем вечера напролет изо всех сил тренируешься, – дополняю я, покачивая головой. – Хитро, хотя и не слишком-то порядочно для человека, напрочь отказывающегося жульничать.

– Это не жульничество. Всего лишь небольшая манипуляция. И мне совершенно не жаль продажных воров вроде него.

«Продажных воров»? Мне хочется спросить, о чем он говорит, потому что, очевидно, я не улавливаю связи, но по его взгляду становится понятно, что сегодня он не собирается ничего мне рассказывать. Вот почему вместо этого я говорю:

– Тебе лучше переодеться.

– Зачем?

– На нашей двери висела записка. Судя по всему, Ли Мей устраивает вечеринку у себя в номере и мы на нее приглашены.

Он кривится, вновь концентрируясь на картах.

– *Ya luchshe sdohnu.* Это как-нибудь без меня.

– Ну-ка цыц, отказы не принимаются! Мне необходимо человеческое общество, и быть не может, что я заявлюсь туда без своего жениха.

С этими словами я захлопываю дверь. На самом деле у него нет выбора. Я приехала в Лас-Вегас за тем, чтобы веселиться, а не за тем, чтобы проводить вечера, в одиночестве сидя в своей комнате.

Когда часом позже Левий присоединяется ко мне в вестибюле, на нем надеты черные брюки и белая рубашка с небрежно закатанными до середины предплечья рукавами. Его волосы еще не высохли после душа, и от этого он кажется еще более обаятельным. Хоть он и возмущается, но все же, как видно, слушает меня.

Когда Томас спрашивает, куда мы идем, Левий говорит ему переодеться и позднее зайти за нами к Ли Мей. Он даже не дает ему времени отказаться, и это вызывает у меня гортанный злобный смешок.

– Кстати, мы ведь не согласовали историю нашей безумной любви, – напоминаю я, пока мы идем по коридору.

– Мне больше нравится импровизировать.

– Хотя бы расскажи мне о русских женщинах, – настаиваю я, смотря прямо перед собой. – Я знаю, что в разных культурах понятие брака отличается. Мне просто нужно молча соглашаться со всем, что ты говоришь, или я все же могу проявлять характер?

Он долгое время молчит. Мы заходим в лифт, и он прислоняется к зеркалу, поднимая на меня взгляд пронзительных глаз.

– В России брак очень важен. Как правило, женщины рано выходят замуж и делают это с целью создать семью. Хотя ситуация и начинает потихоньку меняться, русское общество по-прежнему очень патриархально. Женщины занимаются готовкой, уборкой и воспитанием детей, в то время как мужчина работает и зарабатывает деньги.

Я насмешливо вскидываю бровь, глядя на него из другого конца лифта, и выдаю:

– Ну прямо-таки 1950-й.

– Может, ты и права... Но мы воспринимаем это иначе, – спокойно добавляет он. – Ты не вправе судить о моей культуре, не зная и не понимая ее.

Я замолкаю. Он прав, и именно поэтому я прошу его объяснить мне больше. Как будто бы подбирая правильные слова, он говорит:

– Вы не хотите, чтобы вас окружали вниманием и заботой, потому что отказываетесь, чтобы вас считали более слабым полом. Бывает и так, что вы воспринимаете эту заботу как неосознанный способ вас подчинить.

– А это не так?

– Не стану говорить за всех остальных, но в моем случае – нет, не так. Просто меня воспитали джентльменом; «главой семьи».

Я насмешливо улыбаюсь. Его это, кажется, веселит.

– Это всего лишь слово.

– Слова тоже важны, Левий. Именно они пересекают века и творят историю, и именно они определяют общество.

Он смотрит на меня, ничего не говоря, и в конце концов кивает.

– Ты права. Моя ошибка.

– Твой отец тоже таким был?

– Не совсем, – отвечает он, отводя взгляд и погружаясь в воспоминания. – Всегда уважать женщин меня научила именно мама. Все те жесты, что вы видите в негативном свете, на самом деле рождаются из благого намерения. Мы платим в ресторане, потому что нам это нравится, потому что мы хотим о вас позаботиться. Мы носим тяжести не потому, что считаем, будто вы не способны донести их самостоятельно, а потому, что хотим уберечь вас от нагрузки. И хоть я и знаю, что мой образ мышления кому-то покажется устаревшим, я все равно не понимаю, что с ним не так.

Я в растерянности молчу. Мне хочется сказать ему, что нет ничего плохого в том, чтобы заботиться о любимом человеке, до тех пор, пока эта забота не переходит в навязывание ему какой-то нежеланной роли, но я все равно молчу.

Он продолжает:

– В России распространено особое отношение к так называемому прекрасному полу. Им уступают место в общественном транспорте, придерживают двери, пропуская вперед, подают руку, помогая выйти из машины. Но подобная вежливость не считается нападкой на независимость женщины или дискредитацией ее деловых навыков. В то время как человек, пристально разглядывающий незнакомых девушек в общественных местах и свистящий им в спину, вызывает огромное порицание. Именно потому, что вас, женщин, любят и уважают.

В каком-то смысле я понимаю, о чем он говорит. Времена изменились. Осуждение существовавших раньше проблем привело к тому, чтобы нравы изменились, но, к сожалению, неко-

торым людям захотелось максимально ускорить этот процесс и зайти как можно дальше, и в итоге они свалили все в одну кучу.

Лично мне нравятся джентльмены. Я не считаю, что это оскорбляет мою женскую силу или способность зарабатывать деньги. Думаю, мы созданы друг для друга!

– Что, если мы поступим по-своему? – предлагает Левий, когда двери лифта наконец-то открываются, и жестом руки пропускает меня вперед. – Не заморачиваясь о пустяках.

– Я не против.

Когда мы идем рядом друг с другом, его рука машинально находит мою обнаженную поясницу. Я скорее умру, чем признаю это, но впервые с самого приезда в Лас-Вегас я чувствую себя... менее одиноко.

Вечно переезжать – значит, со всем разбираться самостоятельно, никогда не заводить долгосрочных друзей, просыпаться и засыпать в одиночестве. Но впервые за долгое время я каждый день провожу с одними и теми же людьми. Мы видимся по утрам, вместе едим, вместе возвращаемся... И в какой-то мере я чувствую тоску. Мне этого не хватает – быть частью чего-то, частью какой-то группы, пусть даже такой шаткой.

– Должен предупредить, – говорит Левий, стуча в дверь, – Ли Мей – дама несколько особенная. Но что-то мне подсказывает, что вы друг другу понравитесь.

Виновница торжества не заставляет себя ждать и открывает нам дверь. На ней крошечное платье цвета зеленого яблока и прозрачные туфли на высоких каблуках. Разглядывая стоящего рядом Левия, я понимаю, что она искренне ему нравится. Как только он ее видит, его лицо расслабляется, как будто он сбрасывает маску. Как странно.

– Ну наконец-то вы пришли! Только вас я и ждала. Заходите.

Ее номер похож на наш, и потому я свободно в нем ориентируюсь. Я думала, что встреча будет более интимной, но, судя по всему, она пригласила весь этаж. Но при этом на всех остальных она совершенно не обращает внимания.

Она проводит нас на кухню и предлагает напитки, перебивая музыку:

– Наконец-то я познакомилась с будущей госпожой Иванович! Очень приятно, я Ли Мей Цянь. Заграбастав себе парня вроде него, ты буквально сорвала куш.

Я улыбаюсь со всей искренностью, на которую способна, и шучу:

– Я бы сказала, что это ему со мной повезло, но, полагаю, зависит от того, у кого спрашивать.

В ответ на это она смеется и говорит, что я права. Не знаю почему, но Левий не ошибся: она уже мне нравится. Ее аура меня успокаивает. Мой фальшивый жених открывает рот, чтобы что-то сказать, но кто-то легонько похлопывает его по плечу.

Он удивленно оборачивается и натывается на человека ниже его на голову. Он явно не выше ста семидесяти сантиметров ростом, как и я.

– Э, здравствуйте... – робко говорит он, глядя на него влюбленными глазами. – Вау, это так круто! Можно ваш автограф? Нет, лучше фото! Ребята из рыболовного круга ни за что мне не поверят. Будет даже круче, чем фотка с Рокко Сиффредди.

Он фанатично хихикает и достает из рюкзака огромный фотоаппарат. Мы молча за этим наблюдаем. Левия, судя по всему, несколько возмущает его появление – или, быть может, фамильярность, с которой этот парень обращается к нему. Это жутко веселит.

– Позвольте представиться: меня зовут Лаки, я Водолей с асцендентом во Льве, и я обожаю проводить уютные вечера за просмотром «Бриджит Джонс».

– Спасибо, но нас не интересует твое описание в Тиндере, – говорит Ли Мей.

Я с интересом рассматриваю его, начиная с расстегнутой гавайской рубашки, надетой поверх белой майки, и заканчивая тонкой золотой цепочкой. Не считая его спорного чувства стиля и того, как он говорит, он – красивый молодой человек. У него черная блестящая кожа

без малейшего изъяна и кудрявые, очень коротко постриженные волосы. А глаза просто невероятно сверкают.

– Привет, Ли Мей, – говорит он, взмахивая рукой и одаряя упомянутую яркой улыбкой. – Пообещай мне один танец, хорошо?

Она с отвращением хмурится.

– Чувак, мы не на выпускном.

В этот момент появляется Томас и что-то шепчет Левию на ухо. Мой фальшивый жених молча кивает и холодно смотрит на Лаки.

– Я не фотографируюсь.

– А. Ладно. Все равно спасибо, – улыбается тот, явно чувствуя себя неловко.

– А вот он – вполне! – говорю я, энергично хватая Томаса за плечи. – Та-дам! Перед вами официальный шведский двойник Криса Хемсворта!

Я игнорирую и Левию, отчаянно пытающегося не улыбнуться, и Томаса, который выглядит так, будто собирается прикончить меня вилкой. Лаки, судя по всему, со всей искренностью верит в сказанное мной, потому что широко распахивает рот, а затем прикрывает его ладонью, будто сдерживая крик.

– Бог ты мой... Это правда вы?

Я киваю, и в уголках его глаз вдруг появляются слезы. Тоже это заметив, Ли Мей неверяще подходит ближе и говорит:

– погоди, ты что, реально плачешь?

– Я очень эмоциональный, – восклицает он, беря Томаса за руку. – О, в жизни вы не такой мускулистый. И ростом поменьше.

На сей раз Левий не выдерживает и издает тихий смешок.

– Буду откровенен: иногда, когда я засыпаю, я думаю о вас и Кристен Стюарт, – говорит Лаки, пожимая ему руку. – Иногда к вам присоединяется Натали Портман. А иногда участие принимаю и я сам – день на день не приходится.

– 什么鬼¹⁵

Ли Мей, кажется, происходящее несколько выбивает из колеи. Она просит его рассказывать о своих сексуальных фантазиях где-нибудь в другом месте, но тот вдруг меняется в лице, словно оскорбляясь.

– Что ты там себе понапридумывала? В моих фантазиях мы в одинаковых пижамах всю ночь напролет смотрим фильмы и заедаем их попкорном. Это очень мило.

Тишина. Лицо прежде забавлявшегося Левию вдруг становится полно жалости.

– Честно говоря, даже не знаю, что хуже, – скривившись, говорю я.

– Да уж, какой-то резкий скачок от «мерзко» к «невероятно грустно», – соглашается Ли Мей, хлопывая Лаки по плечу.

Я говорю побыстрее сфотографироваться, и именно это он и делает, позируя рядом со злобно глядящим на меня Томасом. Он выглядит так, словно на седьмом небе от счастья, и я чувствую небольшой укол совести из-за того, что солгала ему, что, впрочем, не мешает мне, помахав ему рукой, сказать:

– Не забудь выложить фотку в интернете с хештегом #therealchris и обязательно поддержи его новый фильм!

Лаки улыбается, как будто не желая уходить, но Ли Мей снисходительно машет ему рукой, словно говоря: «Кыш!» – и приглашает нас присесть на высокие стулья, стоящие вокруг центрального кухонного островка.

¹⁵ Китайский аналог американского «What the fuck?» – вопроса, который используется при выражении недоумения.

Сев рядом со мной, Левий шепчет мне на ухо:

– Ты просто гений. Но на твоём месте я был бы поосторожнее...

– Думаешь, сегодня мне стоит запереть на ночь дверь?

– Да, так будет лучше.

– А если я скажу ему, что сожалею? Он меня не помилует?

– Ни единого шанса, – говорит он, глядя на разъяренного Томаса. – Его диссоциальное расстройство личности ему не позволит. Поздравляю: теперь он по-настоящему тебя ненавидит.

Я широко распахиваю рот. Он говорит это в шуточной манере, но я понимаю, что он не шутит. Это все объясняет! Поэтому я обещаю себе впредь меньше издеваться над Томасом, пусть даже это и будет трудно.

Ли Мей садится напротив и начинает засыпать нас вопросами.

– Ну так как вы познакомились?

Левий не отвечает. Я молча призываю его на помощь, но он лишь коварно улыбается.

– Тебе эта история дается гораздо лучше, чем мне, *lyubimaya*.

Что за подлец. Что ж, раз уж он хочет играть грязно...

Я прижимаюсь к нему, нарочито интимно проводя ладонью по его бедру. Он и бровью не ведеет, и это вызывает у меня уважение.

– Левий владеет ночным клубом в России, – как ни в чем не бывало говорю я. – Я была одной из его новых стриптизерш.

Томас давится своим напитком, а с лица Ли Мей исчезает улыбка. Моих импровизационных навыков оказывается достаточно для того, чтобы Левий оторвал взгляд от телефона. Он заинтригованно на меня смотрит, но я, игнорируя его, продолжаю:

– В общем, так я и получила работу! Разумеется, поначалу речь шла исключительно о сексе. Но после того как этот молодой человек меня обрюхатил, я сказала, что пришло время взять на себя ответственность. Отсюда и предстоящая свадьба.

В глубине души я наслаждаюсь, видя их ошеломленные лица. В стороне, за Ли Мей, я замечаю маленькую головку Лаки, который, обхватив руками стакан с кока-колой и медленно ее потягивая, благоговейно слушает, о чем мы говорим.

– Ого, ребенок? – восторгается он. – А где же кольцо? Неужели ты продолжаешь пить алкоголь? Как здорово! Вы уже выбрали крестного? Если что, я сво...

– Ты еще здесь? – ворчит Ли Мей, от удивления вздрагивая.

Левий по-прежнему ничего мне не говорит. Он не влезает в разговор, будто ему совершенно наплевать на свою репутацию. Когда я крепче сжимаю его бедро, он вдруг замирает и делает глубокий вдох.

– Знаю, пока еще незаметно, – говорю я, поглаживая свой живот. – У нас будет девочка, и мы планируем назвать ее Карлоттой.

На этот раз Левий тихонько усмехается. Он ставит на стол свой стакан, опускает взгляд на мою руку и загадочно мне улыбается.

– Да уж, такая невероятная у нас жизнь.

Я пожимаю плечами, сдерживая желание опустить взгляд на его непристойный рот.

– Это да. Даже верится с трудом.

Он пристально и с интересом смотрит на меня, накрывая мою руку своей. В ответ я лишь спокойно улыбаюсь, наслаждаясь своей маленькой игрой. Кто сказал, что я не могу немного повеселиться? Я обещала быть его фальшивой невестой, а не идеально себя вести.

Наконец он очень медленно убирает мою руку со своего бедра. Лаки спрашивает, продолжаю ли я танцевать стриптиз и во время беременности, и этот вопрос злит Ли Мей. Пользуясь заминкой, Левий наклоняется и холодно шепчет мне на ухо:

– Что за игру ты затеяла?

– Не понимаю, о чем ты, – говорю я, словно воплощение невинности.

Я сдерживаю дрожь, что пробегает по моей спине, когда его горячее дыхание касается моей шеи:

– Ну, допустим, о твоей руке у меня на бедре.

– А что, тебе не нравится?

Не знаю, что на меня нашло. Правда в том, что мне скучно и меня ужасно влечет к Левию. Мы оба взрослые и оба не против. Что плохого в небольшом флирте?

Мой фальшивый жених довольно долго не шевелится, а затем отклоняется назад и улыбается мне. Сначала я думаю, что он собирается меня поцеловать, прямо у всех на глазах, но мое тело в унижении застывает, когда он легко касается губами моего виска и говорит:

– Прости, *lyubimaya*. Но ты не в моем вкусе.

Глава 8. Июнь. Лас-Вегас, США. ЛЕВИЙ

Все идет просто идеально.

Мы с Томасом по-прежнему в игре. Роза продолжает меня тренировать в мое свободное время. По вечерам я практикуюсь самостоятельно, сидя в своей комнате с включенной музыкой, тогда как она тем временем исчезает неизвестно куда. Наверное, растрачивать свою первую месячную зарплату.

Всякий раз, видя Тито, я вживаюсь в роль, которую начал играть с самого начала турнира. Как правило, в такие моменты я оказываюсь в компании Розы. Я так часто стал брать ее за руку, что это уже вошло в привычку. Мы притворяемся идеальной парой, одновременно и до тошноты миленькой, и слишком непристойной для того, чтобы выходить в люди. Если вначале Тито сомневался, то с каждым днем я все больше замечаю, что его взгляд меняется. Он начинает верить.

В его защиту скажу, что наша актерская игра столь хороша, что умудрилась посеять сомнения во мне самом. Это о чем-то да говорит.

Вряд ли по ночам Тито удастся заснуть раньше чем в три часа утра, когда автоматически отключается моя звуковая система. Мои наушники с шумоподавлением – это настоящее спасение. Я купил такую же пару Розе, пусть даже ее комната находится в другом конце номера. Томасу же плевать: он засыпает уже через три минуты.

По ежедневным темным кругам Тито я понимаю, что это дает свои плоды. Я также слежу за тем, чтобы всякий раз, когда я оказываюсь рядом с ним, в моей руке был стакан с алкоголем. Он презрительно косится на меня, но я его игнорирую, внутренне злорадствуя. Меня чертовски это веселит.

– Осторожнее! – вскрикнула вчера Роза, подхватывая меня, когда я, пошатываясь, шел по лестнице. – *Amore mio*¹⁶, тебе пора завязывать с выпивкой...

– Все под контролем.

– Пожалуй, тебе стоит прислушаться к своей жене, – вмешался Тито, злобно скривившись.

Роза окинула его таким мрачным взглядом, что я едва не засмеялся. Вместо этого я выпрямился, покачнувшись на пятках, и обхватил ее за плечи рукой.

– Я справлюсь.

Роза помогла мне дойти до лифта, и все это время я чувствовал между своих лопаток прожигающий взгляд Тито. Когда двери лифта закрылись, я с максимальным достоинством, на которое был способен, выпрямился, и мои губы изогнулись в усмешке.

– Ну как я?

Роза закатила глаза, плохо скрывая свое веселье.

– Не понимаю, зачем ты так сильно из-за этого паришься. Это по-идиотски.

– Немного веселья мне не помешает.

Чем больше Тито будет верить, что я ушел в разгул, начал пить, трахаться и развлекаться, тем больше он ослабит бдительность. Затем Роза спросила, правда ли мне все это нужно ради победы.

– Я думала, ты человек чести.

Ее слова задели меня за живое. Моя улыбка испарилась, и я коротко ответил:

– Честь – штука двусторонняя.

Я не собираюсь относиться к подобному психу с уважением. К человеку, который сперва предал мою семью, а затем уничтожил ее и бросил на произвол судьбы, глумясь, что он выше

¹⁶ Любовь моя (итал.).

их. Мое благородство заключается в том, что я отказываюсь победить его жульничеством, хотя бы ради того, чтобы доказать моему покойному отцу, что я лучше их обоих, но на все остальное... мне плевать.

Сегодня утром у меня запланирована фотосессия. Ненавижу фотосессии. Мне не нравится позировать под пристальными взглядами двадцати глаз. Фотограф несколько раз просит меня улыбнуться, но безрезультатно. Через полтора часа вмешивается Томас, держа в руке мой телефон.

– Тебе лучше ответить на звонок.

– Я занят.

– Это Березники.

В то же мгновение я застываю. Томас не говорит этого прямо, но я тут же понимаю: это звонок из тюрьмы.

Ни секунды не колеблясь, я подхожу к нему и, схватив телефон, пытаюсь улизнуть. Фотограф пробует меня задержать, но я его не слушаю. Я выхожу на улицу и нахожу тихое место у бассейна. Делаю глубокий, полный ужаса вдох и подношу телефон к своему уху.

– Алло.

– Здравствуй, сынок, – по-русски здоровается мама. – Я тебя не отвлекаю?

Не плакать, не плакать, не плакать.

Прошло уже десять лет, но до сих пор это – худшее из того, что мне когда-либо пришлось пережить. Не проходит ни дня, ни ночи, чтобы я не задавался вопросом, что она делает, как у нее дела и жива ли она. Каждый раз, когда звонит мой телефон, я боюсь, что мне объявят, что она умерла в результате несчастного случая.

Надеясь, что в моем голосе слышится улыбка, я продолжаю, радуясь возможности поговорить с кем-то на родном языке:

– Все нет. Рад тебя слышать. Как дела?

Отец всегда говорил мне, что я «маменькин сынок», и это был вовсе не комплимент. Он знал, что я любил ее больше, чем его. Он терпеть этого не мог... и почему-то я уверен, что за это маме доставалось от него больше, чем за что-либо еще.

– У меня все хорошо. Не выхожу за рамки, – слабо шутит она, и я понимаю, что, как и всегда, она пытается меня успокоить. – Не терпится выйти отсюда.

– И мне. Всего два месяца...

Я считаю дни. Я считаю их уже десять лет.

– Ты хорошо питаешься? – спрашиваю я, обеспокоенный слабостью ее голоса. – Тебя ведь никто не достает, правда?

Она коротко смеется, но этого недостаточно, чтобы меня убедить. Я знаю, что она все спускает на тормозах, что она предпочла бы все от меня скрыть, чтобы я смог спокойно спать по ночам... И это сводит меня с ума.

– И снова все те же вопросы. Не беспокойся! Твоя мама – крепкий орешек. Я так долго держалась, что последние два месяца ни за что меня не испугают.

И все же у меня есть право беспокоиться. Она кормит меня сказками о том, что к ней все хорошо относятся, что она ест досыта и что она завела друзей. Но я знаю, что это все ложь. Мне уже не семнадцать. Я навел справки.

Условия содержания в российских тюрьмах просто отвратительны. В камерах очень мало солнечного света и свежего воздуха, и в одну камеру, рассчитанную на шесть человек, запросто могут впихнуть тридцать заключенных, которым придется пользоваться одним туалетом. Им разрешается принимать душ лишь раз в неделю, не используя при этом шампунь. Предпочту даже не говорить о качестве их еды и о мышах и тараканах, которыми кишат камеры.

Но самое страшное – это тюремные охранники, которые не гнушаются налево и направо размахивать своими дубинками и даже натравливать собак на так называемых буйных заклю-

ченных. Если бы я узнал, что они тронули мою мать, я вполне мог бы прикончить одного из них своими руками.

Все потому, что я не смог ее защитить. Я всю жизнь буду винить себя за свою беспомощность и трусость.

– А ты как? Чем занимаешься? Ты разве не на работе?

В России сейчас около пяти вечера. Я, как обычно, лгу и рассказываю ей о том, как проходят мои дни в «Распутине».

Моя мама почти ничего не знает о моей жизни. Я сделал все, чтобы скрыть это от нее. Она даже не знает, что я играю в покер: она думает, что татуировки на моих щеках – это результат пари, заключенного во время ночной пьянки. По правде говоря, ей бы очень не понравилось, если бы она узнала, что я трачу время на подобную ерунду. Она бы решила, что я становлюсь похожим на своего отца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.